
Единственное
исключение
18+

Оля Пэ
Единственное исключение

https://litres.ru/74702578
SelfPub; 2026

Аннотация

Трёхметровый забор, охрана у ворот и камеры наблюдения.

— Отель исключён. Это ради вашей безопасности.

Но от кого её защищают?

Сена Дюваль — французская художница. Она не терпит приказов и дорожит независимостью. Но письмо из Нью-Дели заставляет её изменить планы: женщина, долгие годы мечтавшая о ребёнке, просит запечатлеть своё счастье во фреске.

Три месяца в Индии. Одна работа. Затем — Лондон.

Раджмир Капур привык к беспрекословному подчинению. Его слово — закон, а чувства надёжно скрыты за холодной сдержанностью. Но Сена не из тех, кто склоняет голову, даже оказавшись под его крышей.

Пока фреска обретает очертания, между ними зарождается чувство, способное разрушить привычный мир обоих.

Но кто из них первым захочет, чтобы эти три месяца никогда не заканчивались?

Сюжет, персонажи и мир придуманы автором. При работе над текстом использовалась нейросеть для подбора формулировок и редактуры, итоговый текст отредактирован и утверждён автором.

Содержание

Глава 1. Нью-Дели 4
Глава 2. Злость 15
Глава 3. Разбитая 19
Глава 4. Бассейн 28
Глава 5. Утренний 31
Глава 6. Круассаны 40
Глава 7. Новые 49
Глава 8. Невеста 64
Глава 9. Пыльная буря 73
Глава 10. Байк 88
Глава 11. Звёзды 99
Глава 12. Украшения 109
Глава 13. Свадьба 118
Глава 14. Мумбай 132
Глава 15. Стены 146
Конец ознакомительного фрагмента. 152

Оля Пэ
Единственное исключение

Глава 1. Нью-Дели

Забор Сена увидела раньше, чем дом: три метра светлого камня, поверх него тонкая линия камер, и мужчины в одинаковых тёмных костюмах, с наушниками и спокойными, ничего не упускающими глазами. Такси остановили у ворот, водителя долго спрашивали, кого он везёт, сверяли имя пассажирки по планшету, потом открывали ворота из матовой стали, и машина въехала на территорию.

И Сена забыла о проверках.

Дом с панорамным остеклением, просторными террасами, многоуровневым бассейном, вода которого словно сливается с горизонтом, и захватывающими видами на город. Она любила современный минимализм, но не ожидала, что встретит такой дом именно в Нью-Дели. Ни одной случайной линии, ни одного лишнего украшения. Она давно разучилась удивляться, но сейчас поймала себя на том, что смотрит с открытым ртом, как студентка.

Город встретил её жарой, от которой воздух казался густым, как сироп. Сена вышла из машины. На ней была белая хлопковая рубашка, расстёгнутая и небрежно заправленная

в джинсовые шорты, и биркенштоки, в которых можно было пройти пешком полгорода. Волосы она убрала немного назад. Единственным ярким пятном на её лице были губы, накрашенные красной помадой. Она подумала: «Три месяца в этой жаре. Но потом Лондон».

Лондон был для неё важнее всего. Через три месяца ей предстояло приступить к масштабному проекту: скульптурам, погружённым в прозрачные колбы с водой. Ничего подобного в таком размахе ещё никто не создавал, поэтому о проекте говорили и ждали его с нетерпением.

Семья Капур, к которой Сена направлялась, считалась одной из самых известных и богатых в Индии. Богатые коллекционеры нередко покупали её работы или заказывали новые, но сама она в Индии ещё ни разу не бывала. Её охватывало приятное предвкушение, смешанное с тревогой: эта страна оставалась для неё совершенно чужим и непонятным миром.

Ананья Мехра, в девичестве Капур, писала ей почти год. Сена отказывала трижды: график проектов был расписан на два года вперёд, свободных недель не находилось, а фрески она бралась делать крайне редко, ведь это очень кропотливая и долгая работа. Но Ананья не обижалась и писала снова. Коллекционером она не была, зато внимательно следила за современным искусством и поддерживала начинающих художников. Однажды на выставке в Дубае она увидела несколько фресок Сены Дюваль и не смогла отвести от них глаз. Ананья пыталась понять и сами работы, и собственные

чувства: чем именно они её так захватили? И поняла, что фрески словно проникают в самое сердце и наполняют его светлой радостью. Именно такое ощущение она хотела поселить в своём доме, а главное, чтобы оно жило в нём каждый день.

Сена делала фрески из металла и стекла со светоактивными материалами. В одной работе стальные пластины с вплавленными стеклянными «потоками» днём напоминали застывшую реку, а в темноте светились холодным голубым. Другая стена, из разбитого и заново собранного зеркального стекла и оплавленной меди, меняла оттенок, когда рядом двигались люди. Ещё Сена сделала для детского крыла больницы мягко подсвеченные стеклянные капли на тёмном металле.

Помимо фресок Сена делала арт-объекты. Например, объект из зеркального стекла и холодного металла, похожий на сломанную раковину. Внутри спрятан свет, который медленно пульсирует, как дыхание, и пробивается наружу тонкими лучами через трещины. Зритель может обойти его кругом и увидеть, как отражения складываются в разные формы, и ни один ракурс не повторяется.

Другой объект — скульптура в человеческий рост из оплавленного металла и прозрачной смолы, внутри которой застыла тонкая светящаяся линия, будто нерв или пульс.

В четвёртом письме, коротком, без вежливых оборотов, Ананья написала про самое важное. Она много лет не мог-

ла забеременеть. Врачи, клиники, чужие страны, надежды и снова пустота. И вот теперь, на пятом месяце ожидания малыша, она хочет запомнить это навсегда. Не фотографией, не портретом, а фреской на стене дома, в котором вырастет её дочь. «Я не могу доверить это никому, кроме вас», — написала она.

Сена перечитала это письмо дважды и согласилась, хотя ещё накануне была готова отказать в четвёртый раз. Ради этого ей пришлось передвинуть два других заказа.

Её встретила женщина в сером сари и повела вглубь дома. Сена шла следом по каменному полу. Холл уходил вверх на два этажа, и с самого потолка свисала люстра из сотен тонких нитей, на которых застыли серебряные завитки, как взрыв, остановленный на лету. Внутри много света, воздуха и пространства. Мягкая мебель в благородных оттенках и эффектный камин. Панорамные окна стирают границу между интерьером и природой. Когда наступают сумерки, дом наполняется тёплым золотистым светом. В бассейне отражается вечернее небо, внизу загораются огни города, а вокруг становится тихо и спокойно.

Женщина в сером сари остановилась у входа в столовую и отступила в сторону.

Столовая была продолжением террасы: стеклянная стена сдвинулась целиком, и воздух с запахом жасмина и нагретого камня входил свободно. Над длинным чёрным столом висела вторая люстра, кольца серебра в воздухе. За столом,

рассчитанным на двенадцать человек, сидели семеро. Никто не торопился. Пахло кардамоном, маслом и свежим хлебом.

И тут Сена поняла, как выглядит.

Женщины за столом были в сари: шёлк граната, изумруда и густого индиго, золотая кайма, звенящие браслеты, тяжёлые серьги. Даже в обычное утро они выглядели так, словно собрались на приём. Пожилая женщина с серебряными волосами, собранными в узел, была в белом сари с тонкой серебряной каймой. Она смотрела на гостью с лёгкой улыбкой в глазах, как на родную внучку. Мужчины сидели в светлых рубашках и безупречно сидящих костюмах. А во главе стола расположился Раджмир Капур в белоснежной рубашке с закатанными рукавами, как будто ехал на переговоры и лишь на минуту заглянул позавтракать.

Сена машинально потянулась застегнуть пуговицы на рубашке, но остановилась. Как она раньше не подумала, что выглядит неуместно? Однако смущаться не стала и поздоровалась со всеми.

Первой её приветствовала Ананья. Сена узнала её сразу: по переписке, по видеозвонку, по тому, как она придерживала рукой округлившийся живот, словно боялась его потерять. Молодая, красивая, в сари цвета спелого граната, с глазами, в которых одновременно жили решимость и усталость.

— Сена! — Она поднялась, придерживая стул, и лицо её осветилось. — Вы приехали! Мы так рады, вы даже не представляете. Для нас большая честь, что такая знаменитая ху-

дожница будет делать наш проект. Проходите, садитесь, мы как раз завтракаем.

Она не стала никого представлять. Просто смотрела на Сену, словно боялась, что та исчезнет.

— Спасибо, нет-нет. — Сена остановилась в дверях. — Я не хочу мешать, к тому же я совсем не голодная. Я подожду вас в гостиной.

— Но вы же с дороги!

— Мне правда неудобно. Я уже устроилась в отеле и позавтракала. Кстати, отель совсем рядом, и моё присутствие будет почти незаметным: закончу работу и сразу уйду. Правда, днём от меня, конечно, будет немало шума. — Она улыбнулась.

Двое мужчин, один постарше, другой помоложе, переглянулись с изумлением (наверное, один из них муж Ананьи, подумала Сена). Женщина рядом с ними тоже смотрела на гостью с нескрываемым любопытством.

Мужчина во главе стола отложил приборы и посмотрел на неё. Красивый, лет сорока, может, чуть больше. Тёмные волосы с первой сединой, густая борода, смуглая кожа, резкие скулы, брови, сведённые так, будто он решал сложную задачу. Взгляд тяжёлый, исподлобья.

Он разглядывал её пристально и без смущения. Рубашку, шорты, светлые короткие волосы с выгоревшими на солнце прядями. Янтарно-карие глаза, которые она не успела отвести. Родинку на левой скуле. Красную помаду, единственный

яркий акцент на её лице. Он смотрел так, как смотрят на чертёж перед тем, как принять решение.

— Мадемуазель, — сказал он наконец. Английский у него был безупречный, с лёгким нажимом на согласные. — Меня зовут Раджмир Капур, я брат Ананьи и глава дома. Сядьте, пожалуйста.

— Я не...

— Завтрак для нас важная традиция. Мы обязательно собираемся вместе каждое утро ровно в восемь. — Он слегка наклонил голову в сторону свободного стула, который Ананья уже отодвигала. — Давайте обсудим, где вы будете жить.

Отказаться второй раз было бы уже грубостью. Сена села. Перед ней немедленно появилась тарелка, и чья-то рука положила на неё омлет и лепёшку.

— Вы пьёте чай с молоком? — спросила Ананья, уже держа руку над чайником.

— Спасибо, я пью только кофе.

За столом возникла короткая заминка, которую Сена не сразу поняла.

— У нас, к сожалению, нет кофемашины, мы пьём только чай, — сказал Раджмир. Он произнёс это так, будто речь шла об упущении, которое не должно повториться.

— Не стоит беспокоиться, правда, чай тоже...

— Но она обязательно появится, — сказал он и повернулся к Лакшми, которая уже кивала, как будто распоряжение было отдано ей раньше, чем прозвучало вслух.

— Я уже сказала, что остановилась в отеле, — начала Сена, отставив вопрос о кофе в сторону. — Он совсем рядом. У меня плотный график, помимо вашей фрески я каждый день работаю над другим проектом, и мне нужно часами сидеть над эскизами. Я работаю в разном режиме: иногда ночью, и не хочу никого стеснять. Мне так будет удобнее, и вам, уверена, тоже.

— Нет. Это исключено.

— Но в контракте о проживании не было ни слова. Я никогда не жила у клиентов и считаю, что в этом нет никакой необходимости.

— Контракт можно дополнить. — Он взял чашку и впервые за весь разговор отвёл от неё глаза. — Ваша гостевая комната ждёт вас на втором этаже. Комната для работы рядом с гостиной. Ананья всё покажет.

Сена посмотрела на Ананью. Та сидела, прижав ладонь к животу, и в её взгляде было что-то, чего Сена не умела прочитать. Не извинение. Просьба.

— Я ценю ваше гостеприимство, — Сена старалась говорить спокойно. — Но я привыкла...

— Мадемуазель Дюваль. — Он произнёс её фамилию мягко, но разговор на этом оборвался. — Об отеле не может быть и речи. Прежде всего это нужно для вашей безопасности.

— Называйте меня просто Сена. И уверяю вас, я вполне способна сама о себе позаботиться, — сказала она настой-

чивее.

За столом повисло напряжение. Раджмир смотрел на неё чуть дольше, чем требовала сказанная фраза.

— Сена, — повторил он. — Как река в Париже.

— Да. Родителям показалось, что это забавно: пусть дочь будет рекой.

Что-то мелькнуло в его лице и тут же исчезло.

— Сена, — произнёс он спокойно и ровно. — Повторяю ещё раз: отель исключён.

Завтрак продолжился. Бабушка что-то тихо сказала на хинди, и женщина в изумрудном сари засмеялась. Звякнули приборы. Ананья налила Сене чай. Сена из вежливости ела лепёшку и не чувствовала вкуса.

Ей было двадцать семь. Её работы выставлялись в залах MoMA в Нью-Йорке и Hamburger Bahnhof в Берлине, о ней писали в Париже и Милане. Она спорила с заказчиками, сколько бы денег и амбиций за ними ни стояло, и обычно выходила победительницей. Но так безапелляционно с ней разговаривали нечасто. Она сидела с чашкой чая, сбитая с толку, и чувствовала, как внутри поднимается яростный гнев. Их взгляды снова встретились: его, не допускающий исключений, и её, полный решимости дать отпор.

Через несколько минут Раджмир отодвинул стул и встал. Сена тоже встала. Она не успела подумать зачем. Он был выше, чем она думала. Две секунды они смотрели друг на друга. Две секунды, за которые в тишине можно было услышать,

как переливается вода в бассейне.

— Это исключено, — повторил Раджмир Капур.

И вышел из столовой. За ним последовали муж Ананьи Арджун и его отец.

Позже, в гостиной, Сена познакомилась с остальными. Бабушка, Камла Деви, оказалась маленькой и прямой, с живыми тёмными глазами. Она взяла Сену за обе руки, долго рассматривала её и сказала, что в доме давно не было такого необычного человека. В её голосе не было ни осуждения, ни снисхождения, только тёплое, почти детское любопытство. Сена сразу почувствовала, что эта женщина видит людей насквозь и при этом никогда не использует это знание против них. Позже она узнала, что бабушка вырастила Раджмира и Ананью одна, когда родители погибли в автокатастрофе, и что именно она держала семью вместе в самые трудные годы.

Мать Арджуна, Сунита, была женщиной мягкой и сдержанной. Она говорила тихо, часто улыбалась и больше слушала, чем говорила, словно привыкла быть чуть в стороне и не хотела занимать лишнего места в чужом доме. Но когда речь заходила о сыне, в её взгляде появлялась спокойная гордость.

А рядом с ней, чуть позади, стояла Тара, младшая сестра Арджуна, с рюкзаком на плече: ей пора было в школу. Ей было пятнадцать. Она была очень красива, но будто стеснялась этого: опускала глаза, говорила едва слышно, прятала руки в складках простого светлого платья. Ни помады, ни укра-

шений, только тонкая нитка бусин на запястье. Когда Сена протянула ей руку, Тара ответила на пожатие так осторожно, словно боялась помять что-то хрупкое, и тут же покраснела.

Семья жила под одной крышей необычно для Индии. После свадьбы не невеста перебралась в дом мужа, как велит традиция, а Арджун со всеми своими родными переехал к Ананье. Причина была одна: Раджмир не мыслил жизни без единственной сестры. К тому же положение Арджуна было скромнее: он работал юристом в компании Раджмира, а с Ананьей однажды познакомился на благотворительном ужине. Говорили, что он тогда просто помог ей найти потерянную сумочку и так и не решился попросить номер телефона.

Арджун был очень скромным в общении и немного застенчивым, но при этом дружелюбным и по-настоящему добрым. Он никогда не показывал, что его что-то задело или обидело, и относился к Раджмиру с неизменной благодарностью, хотя порой терпеть нрав шурина было тем ещё испытанием. Сена заметила, как он тихо вздыхает, когда Раджмир в очередной раз говорит приказным тоном, и как тут же улыбается, чтобы никто не заметил.

Глава 2. Злость

Комната оказалась просторнее, чем Сена ожидала.

Лакшми открыла дверь, отступила в сторону и осталась стоять со сложенными руками, пока гостья входила. Свет вливался сквозь окна во всю высоту стены, ложился золотистыми полосами на светлое дерево пола и делал белые стены почти прозрачными. За стеклом начинался сад: тёмная влажная зелень и вдалеке тонкая линия каменной ограды.

Широкую кровать с мягким серым покрывалом венчала панель из тёмных деревянных реек, на которой свет рисовал тонкие тени. Рядом стоял низкий столик, а на нём ваза из матового стекла с единственной веткой жасмина.

— Комнату для работы вам покажет госпожа Ананья, — сказала Лакшми. — Господин Раджмир распорядился её подготовить.

Чемоданы Сены уже стояли у кровати. Их привезли из отеля, пока она сидела в гостиной и знакомилась с семьей. Сена открыла чемоданы и начала раскладывать вещи, но делала это со злостью.

— «Исключено». Надо же, какое слово, — бормотала она, выдёргивая из чемодана комбинезон. Она рывком задвинула ящик, тот застрял, и она ударила по нему ладонью.

Злость стягивала плечи и горела в груди. Но под ней шевелилось что-то ещё, и Сена не могла понять, что именно.

Ананья заглянула к ней позвать на обед. Она была в светлом сари цвета слоновой кости и казалась ещё моложе, чем утром.

— Я хотела извиниться за брата, — сказала Ананья с порога. — Он не всегда такой. То есть всегда, но не со всеми.

— Не нужно извиняться.

— Нужно. — Она вошла и опустилась в кресло у окна с облегчением человека, который долго стоял на ногах. — Он просто не умеет иначе. Привык решать за всех, потому что другого способа заботиться не знает.

Она замолчала, и Сена не стала её торопить.

— Пойдёмте обедать, — наконец сказала Ананья. — Заодно покажу вам комнату для фрески.

— Давай на «ты», — попросила Сена. — Так мне будет проще.

Они спустились на первый этаж. Прошли через огромную гостиную, мимо колонны с огнём, мимо золотого панно, и свернули в боковой коридор, где было тише и прохладнее. Ананья остановилась перед высокой дверью из светлого дерева и толкнула её.

Сена вошла в пустое помещение с высоким потолком и окнами в сад. Стены здесь были не облицованы, как в остальном доме, а оставлены голыми: гладкий светло-серый бетон, холодный и ровный, с едва заметными следами опалубки. В воздухе стоял запах пыли и остывшего камня.

— Я выбрала эту комнату три года назад, — тихо сказала

Ананья. — Когда мы ещё надеялись. Тогда я даже не знала, зачем. Просто пришла сюда и поняла, что здесь.

Сена прошла по комнате и коснулась ладонью стены. Бетон был прохладным, плотным, чуть шероховатым, и пальцы сразу узнали его.

— Бетон, — сказала она. — Это хорошо. На такую стену можно крепить металл, и она выдержит.

— Раджмир велел снять всё, что было, и сделать стену заново: укрепить основу, залить бетон и отшлифовать вручную. Мастера работали два месяца. — Ананья слабо улыбнулась. — Он начал, когда ты ещё отказывала мне. Сказал, что отказ не навсегда.

Сена обернулась. Ананья стояла посреди комнаты, прижав ладони к животу.

— Я не хочу портрет, — сказала она. — И не хочу себя. Я хочу то, что чувствовала все эти годы. Ожидание. И то, что чувствую сейчас. Я не умею это объяснить.

— Не надо объяснять, — ответила Сена. — Расскажи мне, как ты засыпаешь. Что видишь перед сном.

И Ананья заговорила. Сена слушала и делала пометки карандашом в маленьком блокноте. Про то, как она годами лежала по ночам с открытыми глазами и считала цветы на потолке. Про воду, которая снилась ей до тех пор, пока не наступила беременность. Про свет в окне больницы, где врач в последний раз покачал головой.

Следующие два дня слились в один долгий, шумный день.

Комнату огородили. Двое рабочих закрыли окна и вход техническими навесами из плотной ткани, а по краям повесили тяжёлые шторы цвета тёмного шафрана, чтобы пыль и чужие глаза не попали внутрь. Из гостиной было видно только эти шторы, как закрытый занавес перед спектаклем. Ключ от двери Лакшми отдала Сене лично, в ладонь.

— Больше ни у кого нет, — сказала она. — Господин Раджмир приказал: никто не входит, пока вы не позволите.

Сена составила список на три страницы. Лакшми прочитала его спокойно, без единого вопроса, коротко кивнула и велела подать машину: за материалами Сена собиралась ехать сама, вместе с водителем.

Глава 3. Разбитая ваза

Ваза упала в девять вечера.

Сена несла по коридору второго этажа коробку с пробниками стекла, тяжёлую и неудобную, и локтем задела консоль у стены. Ваза качнулась, она рванулась удержать её свободной рукой и не успела. Тёмно-синяя, с тонкой белой росписью, высотой по колено, она ударила её по подъёму левой ступни, сбила с ног коробку и откатилась по ковровой дорожке.

Сена села прямо на пол и несколько секунд просто дышала сквозь зубы.

Потом подняла вазу. Перевернула. Ни трещины, ни скола. Она осмотрела донышко, нет ли там клейма, и, конечно, оно было: какие-то иероглифы, ровные и старые. Если это то, что она думала, вазу стоило бы держать за стеклом, а не на консоли в коридоре, где ходят художники с коробками.

— Прости, пожалуйста, — сказала она вазе по-французски и поставила её на место, повернув так, чтобы со стороны не было видно, что её трогали.

Нога распухала быстро. К полуночи Сена поняла, что не уснёт.

Дом ночью был другим.

Она медленно спускалась босиком, придерживаясь за перила, и каждый шаг отзывался в ступне горячей иглой. На первом этаже горел только нижний свет: тусклые золотые полосы вдоль плинтусов, подсветка ступеней, мягкое свечение воды в бассейне за стеклом. Люстра над гостиной висела в темноте неподвижно, серебряные нити тихо поблёскивали, как застывший дождь.

Она шла через гостиную, через столовую, мимо длинного чёрного стола, к двери кухни. На ней был серый свитер, мягкий, растянутый, надетый как ночная рубашка, и ничего больше, кроме белья. В пустом доме, в два часа ночи, это казалось вполне достаточным.

Кухня была огромной и тёмной. Сена не стала зажигать свет, чтобы не будить никого. Открыла холодильник, и он осветил её сзади холодным голубым светом. Полки блестели чистотой. Контейнеры с подписями на хинди. Банки с чем-то золотым. И на нижней полке, в ряду, как солдатики, стояли красные банки колы.

— Спасибо, Господи, — прошептала она.

Одну банку она открыла и сделала большой глоток, закрыв глаза. Вторую приложила к опухшей ноге, подняв её на колено, как цапля. Холод ударил по коже, и ей стало так хорошо, что она почти застонала.

— Что здесь происходит?

Сена закричала. Достаточно громко. Банка выскользнула из руки и покатилась по каменному полу с жестяным грохо-

том. В дверном проёме кухни стоял тёмный силуэт, высокий, плечистый.

— Вы меня до смерти напугали! — выкрикнула она, прижимая ладонь к груди. — Что вы делаете в темноте? Почему вы ходите по дому как привидение?

Силуэт поднял руку и включил нижний свет над рабочей столешницей.

Это был Раджмир.

Он стоял в проёме в чёрных спортивных штанах и серой майке, мокрой на груди и по краям воротника. Волосы, которые она до сих пор видела только зачёсанными назад, прилипли ко лбу. На руках, голых до плеч, ещё не сошли пятна напряжения: вены, мышцы, следы тяжёлой тренировки. Он дышал ровно, но с лёгким усилием. Дом, в котором стоял спортзал на нижнем уровне, был для него обычным местом в такой час.

— Я не хотел вас пугать, — сказал он. Голос был спокойнее, чем она ожидала. — Я услышал шорох на первом этаже. Решил проверить.

— Вы могли бы пошуметь или хотя бы покашлять, — выдохнула Сена, всё ещё держась за сердце.

— Учту. Что с вашей ногой?

В его взгляде что-то дрогнуло, как тень улыбки, и тут же исчезло. Он перевёл глаза на банку, лежавшую под столом, потом на неё, на то, как она стоит, поджав левую ногу.

— Ничего. — Она тут же опустила ногу на пол, поморщи-

лась и поспешно выпрямилась. — На неё упала ваза. Но вы не волнуйтесь, ваза цела. Совсем. Я проверила. Я не знаю, сколько она стоит, но, если что, я готова...

— Вы не наступаете на ногу — перебил он. — Я вижу, что вы что-то с ней сделали.

— Это просто ушиб.

— Это может быть что-то серьезное. — Он достал из кармана телефон. — Я вызову врача. Через двадцать минут он будет здесь. И вам нужно сделать снимок.

— Нет-нет, что вы. — Сена замахала руками, чуть не уронив вторую банку. — Не надо никого вызывать, ночью, из-за меня, это глупо. Всё в порядке, правда. Мне ничего не нужно. Я просто пойду.

— В свою комнату, — поправилась она.

Раджмир не улыбнулся. Но что-то в его лице едва заметно смягчилось, и он медленно убрал телефон обратно в карман.

— Хорошо, — сказал он. — Врача не будет. Но я посмотрю сам, прежде чем вы поднимете по лестнице. Пойдёмте в гостиную.

— Не стоит, это просто...

— Сена.

Теперь он назвал её просто по имени, без «мадемуазель» и без нажима.

— Пойдёмте.

Банку, которой она остужала ногу, Сена так и не выпустила из руки и сделала шаг. Левая нога подвела её сразу, и

Сена невольно качнулась, прикусив губу. Раджмир оказался рядом раньше, чем она успела за что-нибудь схватиться. Его ладонь обхватила её локоть, тёплая, твёрдая, и придержала ровно настолько, чтобы она не упала, и не сильнее.

— Опирайтесь на меня, — сказал он.

— Я могу идти сама.

— Знаю. Но так быстрее.

Они прошли через столовую медленно, в её темпе. Он не торопил и не смотрел под ноги, только держал локоть, чуть подстраивая шаг под её хромоту. Сена чувствовала тепло его ладони, каждый палец отдельно, и старалась смотреть прямо перед собой, на тёмную стеклянную стену и неподвижную воду за ней. Ей казалось, что в тишине слышно её сердце.

В гостиной он включил только один торшер, низкий, с золотым абажуром, и свет лёг на кремовый диван мягким кругом. Сена села на край, поджав ноги и натянув подол свитера на колени. Свитер, как назло, был коротким. Каждый раз, когда она двигалась, он полз вверх, и ей приходилось незаметно оттягивать его вниз.

Раджмир вернулся через минуту с белой коробкой, на крышке которой был красный крест. Поставил её на низкий столик, опустился на одно колено у дивана и без слов взял её ногу в ладони.

Сена перестала дышать.

Руки у него были большие, тёплые после тренировки, и касались её так осторожно, будто нога была сделана из стек-

ла. Он повернул ступню к свету, пальцем коснулся припухлости, чуть надавил, внимательно следя за её лицом.

— Больно?

— Немного.

— Здесь?

— Да.

— Кость целая, — сказал он тихо, словно сам себе. — Отёк небольшой, но будет синяк. К утру станет тёмно-фиолетовым.

— Вы словно врач — с улыбкой сказала она.

— Нет. — Он достал из коробки тюбик с прозрачным гелем и отвинтил крышку. — Я просто видел много травм в своей жизни.

Сена хотела спросить, где именно он их видел. Но слова вдруг застряли.

Гель был ледяной. Он выдавил его на пальцы и нанёс на её ногу круговыми движениями, тонкими, внимательными, едва касаясь. Потом снова, чуть сильнее. Сена смотрела на его склонённую голову, на мокрые тёмные пряди, на серебро, затерявшееся в них, на линию шеи с блестящей каплей пота, которая медленно сползала под воротник майки. Она быстро отвела глаза, поймала край свитера, дёрнула вниз и поймала на себе его взгляд.

Он смотрел на неё. Не на ногу. На неё. Задумчиво, долго, как смотрят на сложную работу, которую хочется понять. Потом перевёл глаза обратно на её ступню и достал из ко-

робки эластичную повязку, серую, с мягким краем.

— Вам правда не стоило так возиться, — сказала Сена. Голос вышел хриплее, чем она хотела. — Это не рана, это ушиб. Мне неудобно вас беспокоить. Вы только что с тренировки, вам, наверное, нужно...

— Мне нужно, чтобы вы завтра могли ходить. — Он собрал повязку в ладонях, надел на пальцы Сены и медленно потянул вверх, через подъём, мимо пятки, к щиколотке, ни разу не потянув слишком сильно. — Вы будете много стоять на ногах. Вам нужна эта нога.

Она замолчала.

Он расправил складку на подъёме большим пальцем, потом ещё раз, чтобы нигде не давило, и просунул палец под край у щиколотки, проверяя, не слишком ли туго.

— Не жмёт?

— Нет.

— Если будет пульсировать, снимите. — И только тогда он выпустил её ступню из ладоней, медленно, как будто нехотя отпускал.

— Пока не спадёт отёк, старайтесь меньше на неё наступать и держите выше, — сказал он, поднимаясь. Теперь он стоял над ней, высокий, широкий, с полотенцем на плече. — Я скажу Лакшми, чтобы завтра вам подали завтрак в комнату.

— Я сама дойду, — сказала Сена и попыталась встать.

— Нет.

Он не повысил голоса, но она осеклась на полуслове. Всё-таки поднялась, перенесла вес на здоровую ногу и подняла глаза: тринадцать ступеней, не больше, но сейчас они уходили вверх, как во сне. Пальцы сами нашли перила.

Раджмир не спросил, справится ли она. Просто встал рядом, на ступень ниже, и подставил локоть, как подставляют его в дверях, без жалости, будто это обычная любезность.

На третьей ступени она тихо выдохнула: нога отозвалась тупой болью. Он остановился раньше, чем она успела замедлить шаг, и не стал заглядывать ей в лицо. Только перехватил её руку чуть крепче и посмотрел вверх, на площадку, будто решал, как лучше идти дальше.

— Подождите, — сказала она, и сама удивилась, как тихо это вышло.

Он не двигался, пока боль не отпустила. Она вдруг поймала себя на том, что не хочет, чтобы он убирал руку.

От него пахло разгорячённым после тренировки телом, солью и чем-то тёмным, древесным, остатками парфюма. Этот запах не вязался с тем, как холодно и жёстко он говорил за завтраком. Она потянула вниз край короткого свитера и разозлилась на себя за этот жест: он, кажется, вообще об этом не думал.

Они поднялись на площадку. Она на секунду подняла глаза и увидела его лицо совсем близко: чуть нахмуренные брови, капля пота у виска, тень усталости под глазами и ту самую серьёзность, которую так легко принять за холод. Он тут

же отвёл взгляд.

У двери её комнаты он остановился, открыл её и дождался, пока Сена дойдёт до кровати и сядет. Подложил подушку под больную ногу и выпрямился, поправив полотенце на плече.

— Если ночью что-то понадобится, позвоните Лакшми.

— Спасибо, — сказала Сена. Слово прозвучало тише, чем ей хотелось.

Он кивнул, дошёл до двери и обернулся на пороге, словно хотел сказать ещё что-то. Но не сказал. Дверь закрылась почти беззвучно.

Глава 4. Бассейн

Прошло несколько дней. Кофемашина наконец-то приехала.

В дверь рабочей студии постучали двумя короткими ударами. Сена приоткрыла её ровно настолько, чтобы выйти самой, и встала в проёме. Пальцы в серебристой пыли и застывшей смоле, волосы убраны под повязку, на щеке полоса металлической крошки.

На пороге стояла Тара, всё ещё в школьной форме, с тонкой косой, перекинутой на плечо. В руках она держала маленькое блюдце, а на нём чашку, из которой шёл пар.

— Это от меня, — сказала она по-английски, тихо, почти неслышно. — Кофе, как вы любите.

Взгляд девочки на секунду скользнул мимо Сены, к тёмной щели между шторами, и тут же вернулся обратно, виновато, словно её поймали. Сена, не говоря ни слова, чуть шире прикрыла за собой дверь.

Она взяла блюдце. Чашка была горячая, пахло свежемолотым зерном, и впервые за почти неделю в этом огромном стеклянном доме что-то показалось ей совсем родным. Сена посмотрела на пятнадцатилетнюю девочку, на её опущенные ресницы и пальцы, сжимающие край юбки, и почувствовала что-то странное, тёплое, неожиданное, как будто к ней пришёл кто-то очень знакомый.

— Спасибо, Тара, — сказала она. — Пока сюда нельзя. Но когда фреска будет готова, ты увидишь её первой. Обещаю.

Девочка покраснела и кивнула.

Весь вечер Сена раскладывала по полу первые пластины стекла по цвету и толщине, от дымчато-серых до почти прозрачных, и теперь они лежали рядами, как карты перед игрой. Свет в комнате был выключен, горела только переносная лампа, и осколки отбрасывали на бетонные стены дрожащие радужные пятна. Руки пахли смолой, в волосах застряла металлическая пыль, а в висках шумело от усталости.

Она в последний раз обошла комнату, накрыла пластины плёнкой, плотно задёрнула шафрановые шторы и заперла дверь на ключ. Потом поднялась к себе, взяла бутылку любимого вина и единственный бокал, спустилась через тёмную гостиную и вышла босиком на террасу.

Нога почти не болела: повязку она сняла, и тёмный синяк на подъёме стопы потихоньку желтел. Каменные ступени вели вниз, к бассейну, и она спустилась по ним и устроилась на низком шезлонге у самого края воды.

Бассейн ночью был совсем другим, чем днём. Подсветка в бортах превращала воду в расплавленное стекло, с зеленоватым, почти неживым свечением, которое колебалось на белых стенах дома, как дыхание. Над головой висела густая тёплая ночь, пахло жасмином и нагретым камнем. За краем бассейна, где вода переливалась в невидимый желоб и как будто падала в пустоту, в дымке дрожали огни города.

Она налила вино, сделала глоток и закрыла глаза. На ней была просторная белая рубашка. Она достала сигареты и щёлкнула зажигалкой. Огонёк на секунду осветил её лицо, и дым потянулся вверх тонкой серебристой лентой.

Где-то на третьем этаже распахнули двери балкона. Она узнала этот звук. Он возвращался всегда в одно и то же время, поздно, не нарушая тишины.

Сена не обернулась. Просто сделала ещё один глоток и затянулась.

Но тело её знало. Что-то изменилось в воздухе, как перед дождём: она почувствовала взгляд раньше, чем увидела того, кто смотрит. Боковым зрением поймала тёмную фигуру на балконе. Высокий силуэт в расстёгнутом пиджаке, с руками, упёртыми в перила.

Сена медленно повернула голову. Усталый, без галстука, с тенью на скулах, Раджмир смотрел вниз, прямо на неё. Не отводил глаз, не делал вид, что просто вышел подышать.

Тогда она слегка кивнула ему, как соседу по террасе. Он помедлил секунду. Затем так же коротко и серьёзно кивнул в ответ.

Они смотрели друг на друга через тёмный воздух и светящуюся воду, и Сене показалось, что расстояние между ними вдруг сократилось до нескольких шагов. Потом он выпрямился, развернулся и ушёл в комнату. Сена допила бокал до дна. Она ещё не знала, что утром её ждёт неприятный разговор.

Глава 5. Утренний разговор

Утро началось раньше, чем Сена привыкла. Обычно она работала до глубокой ночи и спускалась вниз, когда дом давно жил своей жизнью. Но сегодня ей не спалось.

Она натянула светлый комбинезон, убрала волосы под повязку и пошла вниз, не думая ни о чём, кроме кофе. Дорога на кухню лежала мимо столовой. Она прошла бы мимо, но её окликнули.

— Сена!

Она обернулась. За длинным чёрным столом сидела вся семья: бабушка, Ананья, Сунита, Арджун с отцом, Тара с рюкзаком у ножки стула. И Раджмир во главе стола, в белоснежной рубашке. Часы над дверью показывали без пяти восемь.

— Какое счастье, ты проснулась! — Ананья всплеснула руками. — Иди к нам, мы только начинаем.

— Спасибо. Я только за кофе и сразу к себе.

— Ты никогда не завтракаешь с нами, — мягко сказала бабушка. Камла Деви смотрела на неё внимательно, чуть склонив голову набок. — И не обедаешь. Лакшми говорит, что ты практически не ешь.

Сена слегка растерялась. Она не думала, что кто-то обра-

щает на это внимание.

— Я ем, — сказала она. — Просто в другое время.

— Ты такая худенькая, — тихо добавила Ананья. — Мы волнуемся.

— Это обманчивое впечатление. Я крепче, чем кажусь.

— В этом я не сомневаюсь, — произнёс Раджмир.

Сена взглянула на него.

— Но полагаю, даже самым стойким людям время от времени необходимо вспоминать о еде. — Он спокойно отложил приборы. — И мне бы не хотелось, чтобы в нашем доме вы забывали о таких простых вещах.

В его голосе не было упрёка. Он говорил с привычной сдержанностью, словно речь шла о чём-то совершенно очевидном, не допускающем возражений.

Сена уже приготовилась ответить, но передумала. Камла Деви и Ананья смотрели на неё с такой искренней заботой, что спорить показалось невежливым. Раджмир же оставался невозмутимым, и она так и не поняла, было ли его замечание продиктовано беспокойством или обычной привычкой следить за порядком во всём, что происходило под его крышей.

— Хорошо, — сказала она. — Налью кофе и подойду.

Она ушла на кухню, нажала кнопку на большой чёрной кофемашине и, пока та гудела, стояла, глядя в окно на сад. Она не любила, когда за неё решали. Но ещё меньше любила выглядеть в чужих глазах человеком, о котором надо беспокоиться.

Когда она вернулась с чашкой, перед ней уже стояла тарелка: омлет, тёплая лепёшка, кусочек манго.

Завтрак шёл неспешно, как всегда. Звякали приборы, Лакшми ставила на стол фрукты, Арджун тихо рассказывал отцу о каком-то договоре. Сена пила кофе и осторожно оглядывала сидящих. Взгляд зацепился за Тару.

Девочка сидела, опустив глаза, но губы у неё были не просто бледными: на них лежал едва заметный розовый оттенок, будто лепесток. Тара тут же почувствовала взгляд, вспыхнула до корней волос и спрятала глаза ещё ниже.

Сена улыбнулась ей одними глазами. Это было почти незаметно.

А потом Сена почувствовала ещё один взгляд, тяжёлый и внимательный. Раджмир смотрел на Тару, потом на Сену, и по его лицу что-то прошло, как тень от облака.

Когда завтрак закончился и все стали вставать, он тоже поднялся.

— Сена. — Он назвал её по имени, ровно, без нажима. — Я бы хотел поговорить с вами наедине. В моём кабинете, если у вас найдётся время.

Она отложила салфетку.

— Конечно.

Внутри что-то неприятно сжалось. «Поговорить наедине» в устах такого человека не предвещало ничего хорошего. Но тут же она вспомнила его ладони на её ноге, остановку на ступеньке, чтобы она отдышалась. «Может быть, он вовсе не

такой жёсткий, каким хочет казаться», — подумала она. И поймала себя на том, что совершенно не знает, чего ждать.

Кабинет находился на третьем этаже, в конце длинного коридора с матовым стеклом вместо стен. Раджмир открыл дверь и пропустил её вперёд.

Сена остановилась на пороге. Комната была такой же, как весь дом: ни одной лишней вещи, ни одной случайной линии. Огромное окно от пола до потолка открывало сад и дальние крыши города, и утренний свет заливал светлый пол, лёгкими пятнами ложился на белые стены. Широкий письменный стол из тёмного дерева почти пустовал: ноутбук, стопка бумаг, тонкая лампа с латунным плафоном. Вдоль левой стены тянулись книжные полки до самого потолка. Сена заметила английские названия, хинди, учебники по архитектуре и дизайну. В углу стоял глубокий кожаный диван.

— Присаживайтесь, — сказал он и сам остался стоять у окна, заложив руки за спину.

— Я постою, спасибо.

— Я не буду ходить вокруг, — сказал Раджмир, не оборачиваясь. — Речь о Таре.

— О Таре?

— Сегодня за завтраком я заметил, что она накрасила губы.

— Это почти незаметно.

— Мне заметно. — Он повернулся. Лицо было спокой-

ным, голос ровным, но в этом спокойствии чувствовалась сталь. — Тара пятнадцать лет была тихой, скромной девочкой. И я хочу, чтобы она осталась такой. Я учился в Америке и знаю, что в других странах всё иначе. Но здесь, в Индии, девушка до замужества живёт в определённых рамках, и мы оба прекрасно их понимаем. Это не вопрос запретов. Это вопрос уважения.

— Я не просила Тару красить губы.

— Вы показали. — Он подошёл ближе. — Красная помада, сигареты и вино у бассейна, короткие шорты. Вы свободный человек, взрослая женщина, у вас своя жизнь, и в Париже это нормально. Но Тара видит вас каждый день. Она подросток. Она смотрит на вас так, как смотрят на того, кем хотят стать. Я прошу вас одеваться скромнее и не позволять себе этого на глазах у неё.

Сена не опустила взгляда.

— Но, господин Капур, поводов для беспокойства нет. Тара уже не ребёнок. В пятнадцать девочке как раз пора учиться чувствовать себя красивой: попробовать помаду, понять, что она привлекательна. Это не порок, а часть взросления.

— У нас с вами, видимо, разные представления о привлекательности, — произнёс он спокойно. — То, что в Париже считается свободой и очарованием, здесь может произвести совсем иное впечатление. Боюсь, наши мужчины ценят в женщинах несколько другие качества.

В комнате стало очень тихо.

Сена почувствовала, как что-то неприятно кольнуло под рёбрами. Он не сказал ничего откровенно оскорбительного, но смысл был слишком ясен, чтобы его не заметить. Особенно неприятным оказалось то, с какой невозмутимой учтивостью он это произнёс.

Она выдержала его взгляд.

— К счастью, господин Капур, я приехала сюда работать, а не искать мужского одобрения, — ответила она с лёгкой улыбкой. — И мне бы хотелось, чтобы Тара однажды тоже поняла, что её ценность не определяется чужими представлениями о женской привлекательности.

Он чуть приподнял бровь. Кажется, её ответ задел его больше, чем он хотел показать.

— Мне кажется, неправильно пытаться подогнать человека под собственные представления о том, каким он должен быть, — продолжила Сена. — Мы все разные. И если Тара меняется, разве это плохо? Она становится увереннее, учится отстаивать своё мнение. Однажды ей придётся строить собственную жизнь, и я бы хотела, чтобы в этой жизни у неё был свой голос. Чтобы ей не пришлось во всём подчиняться какому-нибудь деспотичному мужу.

Последние слова прозвучали резче, чем она намеревалась.

Раджмир не шелохнулся. Несколько долгих мгновений он смотрел на неё, и Сена невольно попыталась угадать, что скрывается за его неподвижным взглядом. Но не нашла в нём ни гнева, ни обиды. Лишь что-то тяжёлое, сосредоточенное,

словно её слова задели мысль, которой он не собирался делиться.

— Я не муж Таре, Сена, — сказал он тихо. — Я тот, кто за неё отвечает.

Она промолчала.

— Вы очень уверены в своих мыслях, — произнёс он наконец.

— Я лишь говорю то, что думаю.

— Да, это я уже заметил.

Он отвернулся к окну. Дневной свет скользнул по его лицу, обозначив строгую линию профиля и серебристые нити в бороде.

— Боюсь, в этом вопросе нам с вами не найти согласия.

— Похоже, что так.

— Тогда позвольте попросить вас лишь об одном. Будьте с ней осторожнее. Тара доверчива и легко идёт за теми, кого любит. Я не хочу, чтобы однажды она посмотрела на чужую жизнь и возненавидела собственную лишь потому, что та оказалась другой.

Он добавил уже мягче:

— Вечером, пожалуйста, курите у бассейна. А днём где-нибудь в стороне, подальше от чужих глаз.

Сена шагнула к двери. Ей хотелось возразить, сказать, что невозможно всю жизнь ограждать человека от мира. Но, взглянув на Раджмира, она вдруг поняла: он и сам всё это знает.

— Я услышала вас, — тихо сказала она.

Это не было согласием. Но и продолжать спор ей больше не хотелось.

Раджмир коротко кивнул, принимая её ответ таким, каким он был.

Сена вышла в коридор. Утренний свет, проходя сквозь матовые стёкла, ложился на стены мягкими размытыми пятнами. Лишь прикрыв за собой дверь, она позволила себе выдохнуть.

«Боюсь, наши мужчины ценят в женщинах несколько другие качества», — она мысленно повторила эти слова, и губы невольно сжались. В них было столько снисходительности, столько привычной уверенности в праве судить о женщине по собственным меркам, что ей следовало бы разозлиться. И она злилась. Но к раздражению примешивалось что-то ещё, смутное, тревожащее, чему она пока не хотела искать названия.

О разнице между индийскими и европейскими представлениями о семье она была в курсе. Но одно дело знать о традициях из чужих рассказов и книг, и совсем другое столкнуться с ними лицом к лицу. В мире семьи Капур девушка до замужества оставалась под опекой родных, и её поступки редко считались только её личным делом: репутация дочери была неотделима от репутации семьи, а брак воспринимался как союз двух семей, где любовь приветствовалась, но не всегда стояла на первом месте. Во Франции же всё было ина-

че: там любовь не искала места внутри семейных правил, а имела право эти правила нарушить. Разница заключалась не в обычаях, а в самом понимании свободы: в Индии девушка как будто принадлежала сначала семье и только потом самой себе. Сама Сена ни разу не вступала в брак и не жалела об этом.

Она решительно направилась к лестнице.

В рабочей комнате, за тяжёлыми шафрановыми шторами, её ждала стена. С ней, по крайней мере, можно было договориться.

Глава 6. Круассаны

К девяти вечера кухня пахла маслом, горячей мукой и чем-то сладким, чего в этом доме не готовили никогда.

Сена стояла у длинного рабочего стола в сари цвета морской волны с тонкой золотой вышивкой. Полчаса назад Ананья с Сунитой одели её в этот шёлк прямо в гостиной, пока бабушка командовала из кресла, а Тара подавала булавки. Дупатта, невесомая, как дымка, всё время сползала с плеча, и каждые две минуты её приходилось возвращать на место рукой, на которой лежала мука.

— Если я правильно поняла, этот шарф существует для того, чтобы падать в самый неподходящий момент, — сказала Сена, в третий раз подхватывая край ткани. — Как в этом можно готовить?

— Лакшми готовит, — тихо ответила Тара.

— Лакшми, судя по всему, владеет магией.

У плиты Лакшми не обернулась, но уголок её рта дрогнул. Тара подошла, перекинула дупатту Сены крест-накрест через оба плеча и аккуратно заправила концы за спину.

— Теперь не упадёт.

— Ты спасла мне жизнь. И, возможно, ужин.

Тара посмотрела на тесто, разложенное на столе, потом на Сену.

— А вы точно умеете это делать?

— Нет, — честно сказала Сена. — Я умею ровно одну вещь, и то плохо. Но делаю её с таким видом, что никто не замечает.

Тара моргнула. Потом уголки её губ дрогнули, и она впервые улыбнулась прямо.

— Вот. Первая настоящая улыбка с моего приезда. Я считаю.

Тара залилась краской, но взгляда не отвела.

Готовила Сена плохо и сама это прекрасно знала. Но существовало ровно одно блюдо, которому её научила бабушка в маленькой нормандской деревне, и именно его она решила показать этому дому. Тесто она замесила накануне ночью, а утром, пока дом ещё спал, сложила и убрала в холодильник, как положено. Лакшми уступила ей половину стола без единого вопроса, хотя на её лице стояло выражение человека, в чей храм вошёл посторонний.

— Это называется круассан, — торжественно объявила Сена. — Это не еда. Это образ жизни. В Париже его едят по утрам, макая в кофе с молоком, и никто не считает это странным. Если вы так не делали, вы ещё не жили.

— Что здесь происходит? — раздался голос от двери.

Они обернулись. В дверях стоял подросток лет пятнадцати, худой, смуглый, с аккуратно причёсанными тёмными волосами, из которых только одна непослушная прядь у виска выбилась и торчала вверх. Лицо у него было серьёзное, не по возрасту взрослое, с тёмными внимательными глазами и

той сосредоточенностью, какая бывает у людей, привыкших вовремя замечать, что нужно другим.

Он явно успел переодеться после школы: на нём была простая светлая хлопковая рубашка с коротким рукавом, выглаженная до последней складки, и тёмные брюки, которые сидели ровно. Поверх он надел чистый белый поварской фартук.

— Рохан, — сказала Лакшми, снова поворачиваясь к плите. — Мой сын. Он помогает на кухне.

Он смотрел на разгромленный стол с такой серьёзностью, будто сдавал экзамен.

— Могу я вам помочь? — спросил он по-английски, очень правильно и очень тихо. И тут же посмотрел на Тару, и по тому, как быстро он отвёл глаза, Сена всё поняла.

Тара вдруг сильнее прижала к бокам локти, стала выше ростом и, кажется, перестала дышать.

— Можешь, — сказала Сена, пряча улыбку. — Ты умеешь обращаться с тестом?

— Немного, — ответил он, хотя Лакшми у плиты негромко хмыкнула.

— Тогда вставай рядом. Нам как раз нужен человек, который не боится муки.

Тара и Рохан были ровесниками, но жили в разных мирах. Тара училась в частной школе, где ей преподавали на английском, её привозил и забирал личный водитель. Рохан ходил в обычную государственную школу в двух кварталах

от дома, пешком, и учился там вместе с шестьюдесятью другими детьми в одном классе.

Семья Рохана жила в небольшом, но аккуратном доме в глубине сада и ни в чём не нуждалась, но это был другой дом, другой круг и другая дорога в будущее.

— Подходите оба, — скомандовала Сена. — Сейчас будем превращать это в треугольники.

Следующие полчаса прошли в хаосе. Тесто липло к пальцам, масло выскальзывало, а Рохан лепил ровно, как по линейке. У Тары получалось что-то загадочное и круглое, больше похожее на подушку.

— У тебя руки повара, — заметила Сена, глядя на его идеальный ряд.

— Я с шести лет на кухне, — просто сказал он. — Мама говорит, что я лучше режу лук, чем она.

— Это правда, — не оборачиваясь, подтвердила Лакшми.

— У тебя круассан похож на облако, — сказал Рохан Таре. И она, вместо того чтобы смутиться, неожиданно рассмеялась.

— Это не круассан, — вынесла вердикт Сена, глядя на творение Тары.

— А что?

— Это произведение искусства.

Тара опустила взгляд на бесформенный комок теста перед собой, и уголки её губ предательски дрогнули. Она попыталась сдержать улыбку, прикусив губу, но тщетно. Плечи

её едва заметно затряслись, и она тихонько рассмеялась, поспешно прикрыв рот тыльной стороной перепачканной мукой ладони. Смех получился почти беззвучным, похожим на короткий, прерывистый выдох.

Рохан, не отрывая взгляда от своей работы, улыбнулся и чуть покачал головой, старательно изображая полную сосредоточенность. Лакшми тоже улыбалась.

— Могу я узнать, чем вы заняты?

Голос прозвучал негромко, но на кухне сразу стало тихо.

Рохан вытянулся, словно его вызвали к доске. Лакшми обернулась, и на её лице впервые мелькнуло что-то похожее на растерянность.

В дверях кухни стоял Раджмир. В тёмном пиджаке, с ослабленным галстуком и тонкой кожаной папкой под мышкой. Было только начало десятого, а он обычно возвращался после одиннадцати.

Сена посмотрела на него через стол, и у неё вдруг не нашлось ничего, кроме правды.

— Мы готовим круассаны. Вернее, пытаемся.

Раджмир перевёл взгляд на стол. На разложенные треугольники, на мучной хаос, на дупатту, сбившуюся на один бок и обсыпанную мукой, и на жалкий кривой комок перед Тарой. Он молчал дольше, чем нужно, и Сена приготовилась к чему угодно.

— Этот, — он кивнул на творение Тары, — выглядит так, будто оказывал сопротивление.

Тара застыла. А потом Сена увидела это.

Уголок его рта дрогнул. Потом ещё. Лицо, которое все эти недели казалось высеченным из камня, вдруг смягчилось, и у глаз появились тонкие лучики морщин. Он улыбнулся. Не вежливо и не по необходимости, а по-настоящему, широко и немного устало. Сена даже забыла, что держит в руках скалку.

— Оказывал, — подтвердил Рохан и тут же испуганно прикусил язык.

— Ужин у нас уже был, насколько мне известно, — сказал Раджмир, глядя на Сену.

— А мы решили добавить немного французского утра в этот вечер. — Она улыбнулась. — Вы можете остаться и попробовать, — добавила она неожиданно для самой себя. — Через двадцать минут будет готово.

Он помедлил, посмотрел на Тару, на Рохана, на Лакшми, которая уже вернулась к плите и делала вид, что ничего не слышала, и наконец кивнул.

— Я буду в гостиной.

Он вышел, и Сена ещё несколько секунд стояла, глядя на пустой дверной проём. Он умеет улыбаться. Оказывается.

В гостиной было тепло и шумно. Бабушка устроилась в углу дивана с пледом на коленях, рядом Ананья полулежала на подушках, положив руку на живот, а Сунита с Арджуном сидели ближе к экрану. Говинд читал в кресле. На большом экране шёл какой-то старый фильм, красочный, с песнями и

танцами, и кто-то из них время от времени тихо подпевал.

На низком столике и на спинке дивана лежали сари. Изумрудные, цвета граната, густо-синие, абрикосовые, с золотыми каймами. Те самые, которые днём примеряла Сена, пока Сунита не решила, что для кухни ей больше подойдёт бирюзовый.

— Раджмир! — Ананья приподнялась, и лицо её просияло. — Ты сегодня рано!

— Решил вернуться пораньше. — Он нежно обнял сестру и бабушку и неспешно коснулся живота Ананьи.

— Мы развлекаемся, — сказала бабушка. — Как видишь.

— А это? — Он кивнул на разложенные шелка.

— Это Сена, — ответила Сунита, и в её тихом голосе слышался смех. — Мы её нарядили. Знаешь, ей удивительно идёт. Она такая яркая, что любая ткань рядом с ней оживает.

— В сари она совсем как наша, — добавила Ананья. — Правда, Даади?

— Она и есть наша, — спокойно сказала бабушка, не отрываясь от экрана. — Просто пока не знает.

Раджмир стоял, глядя на эти сари, на улыбающихся родных, на экран, где кружились танцоры. И вдруг почувствовал то, чего не мог определить сразу. Дом изменился. Он был таким же, но воздух в нём стал другим. Как будто кто-то открыл все окна сразу, и в комнаты вошло что-то тёплое, живое, наполненное. Раньше здесь было тихо и правильно. Теперь стало радостно.

Он подумал о француженке с красной помадой, которая курила у бассейна и спорила с ним в его кабинете. Дерзкая, независимая, не привыкшая уступать. Он до сих пор считал, что такой человек вносит в дом беспокойство. Но сейчас, глядя на то, как легко и тепло семья держится рядом с ней, он подумал, что, может быть, ошибался. В доме стало больше голосов и больше смеха. Все привязались к ней, сами того не заметив, и это было видно с первого взгляда.

— Идёт, — тихо сказал Арджун

В гостиную вошла Сена. Она несла большой поднос, на котором лежали золотистые, чуть кривоватые, но удивительно пахнущие круассаны. За ней шли Тара и Рохан, каждый с чашками, а замыкала шествие Лакшми с чайником. С дупаттой, сползшей на локоть, с мукой в волосах и счастьем на лице, Сена выглядела так, будто всю жизнь жила в этом доме.

Она поставила поднос на стол. Лакшми разлила чай с молоком.

Раджмир взял круассан. Тот хрустнул, ломаясь, и на пальцы посыпались золотые крошки. Он откусил, помолчал и поднял глаза.

— Это вкусно, — сказал он, и в голосе его прозвучало искреннее удивление.

— Я знаю, — ответила Сена, улыбаясь и чуть задрав подбородок.

Он смотрел на неё не так, как раньше. Долго, внимательно и как будто заново, и вдруг поймал себя на том, что не может

отвести глаз. Эта мысль неприятно кольнула его: он слишком давно не позволял себе смотреть так на кого бы то ни было.

Сена поймала его взгляд. Всего на секунду, но этого хватило, чтобы увидеть и тень растерянности, и то, как он пытался её скрыть. Она не отвела глаз.

В гостиной продолжал звучать фильм, смеялись, звенела посуда, и всё это шло где-то рядом, не касаясь их. Как будто на несколько мгновений они остались вдвоём в этой шумной комнате, и между ними не было ни стола, ни чашек, ни расстояния.

Потом он опустил глаза к чашке. И мир вернулся.

Глава 7. Новые правила

Через несколько дней гостиная снова наполнилась вечерним шумом. Бабушка вышивала в углу дивана, Ананья сидела рядом, и Сена, устроившись в кресле напротив, вполголоса рассказывала ей о фреске.

Тара расположилась на ковре среди альбомов и карандашей. Она снова и снова что-то рисовала, стирала, начинала заново, пока наконец не отбросила карандаш с тяжёлым вздохом.

— Это невозможно, — объявила она.

Сена оборвала фразу на полуслове и обернулась.

— Что именно?

— Всё. Абсолютно всё. Особенно если учительница решила, что каждый ученик должен быть одновременно великим художником и прекрасным оратором.

Сена улыбнулась.

— Звучит как серьёзное испытание.

— У нас проект в школе. Нужно сделать работу на тему «Дом, в котором живут воспоминания». Можно рисовать, делать коллаж или что-нибудь объёмное. А потом выйти к доске и объяснить всему классу, почему ты выбрала именно эти образы.

— Интересная тема, — заметила Ананья

— Интересная, если умеешь рисовать. И если не начинаешь заикаться, когда на тебя смотрят двадцать человек.

Раджмир, сидевший в кресле у окна с ноутбуком, поднял голову.

— Тара, ты уже выступала перед классом.

— И прекрасно помню, как это было, — мрачно ответила она. — Я забыла половину текста.

— Потому что плохо подготовилась.

Тара вздохнула.

— Спасибо, мне сразу стало легче.

Сена, наблюдавшая за ними, осторожно вмешалась:

— Если хочешь, я могу немного помочь.

Тара мгновенно повернулась к ней.

— Правда?

— Конечно. Мы можем вместе подумать над идеей. Я покажу несколько художественных приёмов, расскажу, как работать с цветом и композицией. А саму работу ты сделаешь так, как нравится тебе.

— А можно соединить рисунок и настоящие фотографии?

— Не только можно. Иногда именно так получаются самые интересные работы.

Тара оживилась настолько, что уже потянулась за альбомом, но голос Раджмира её остановил.

— Я считаю, что школьные задания дети должны выполнять самостоятельно.

В комнате на мгновение стало тише.

— Она и будет выполнять самостоятельно, — спокойно ответила Сена.

— Тогда зачем ей помощь?

— Чтобы разобраться в том, чего она пока не умеет.

— Для этого существуют учителя.

Тара опустила глаза на свои рисунки, и Сена заметила, как быстро угасло её воодушевление.

— Что ж, — произнесла она, не меняя тона, — моё предложение остаётся в силе.

Раджмир снова склонился над ноутбуком, давая понять, что разговор окончен. Но Сена успела заметить, как Ананья бросила на брата долгий, выразительный взгляд.

Позже, когда вечерняя жара немного спала, она вышла к бассейну.

Вода отражала свет садовых фонарей, и по её поверхности медленно скользили золотистые полосы. Сена сидела на краю шезлонга, поджав под себя ноги, и перебирала на телефоне фотографии. Шаги она услышала раньше, чем он заговорил.

— Нам нужно кое-что прояснить.

Она подняла голову.

— Я не хочу, чтобы вы делали школьную работу за Тару.

Сена медленно отложила телефон.

— А я не собираюсь делать за неё школьную работу.

— Вы предложили ей помощь.

— Именно.

— Она должна учиться справляться с трудностями самостоятельно.

Сена некоторое время молча смотрела на него.

— Господин Капур, вы хоть раз спрашивали Тару, чего именно она боится?

— Она боится выступать. Это нормально.

— Для вас, возможно, нормально. Для неё это целая катастрофа.

Он нахмурился.

— Вы преувеличиваете.

— Нет. Я просто слушаю, что она говорит.

Раджмир скрестил руки на груди.

— И что вы предлагаете? Чтобы каждый раз, когда ей будет трудно, кто-нибудь делал всё за неё?

— Я предлагаю перестать спорить с помощью, которую ей ещё даже не оказали.

Он посмотрел на неё с явным неудовольствием. Сена продолжила уже мягче:

— Знаете, что меня удивляет? Вы руководите огромным бизнесом, проводите переговоры, выступаете перед десятками, а иногда и сотнями людей. Вам достаточно войти в комнату, чтобы все замолчали и начали слушать. Вы умеете убеждать, держать внимание, отвечать на самые неудобные вопросы.

— И?

— А девочка, которая живёт с вами под одной крышей, до ужаса боится выступить перед двадцатью одноклассниками.

Раджмир молчал.

— Вместо того чтобы объяснять мне, почему я не должна ей помогать, вы могли бы научить её тому, что сами умеете лучше многих.

— Это разные вещи.

— Разумеется.

Он бросил на неё недовольный взгляд. Сена едва заметно улыбнулась.

— Я не собираюсь рисовать за Тару. Я хочу, чтобы она перестала думать, будто у неё ничего не получится. А вы могли бы помочь ей поверить, что она справится с выступлением.

Он смотрел на неё довольно долго. Сена уже приготовилась к очередному возражению, но его не последовало.

— Спокойной ночи, — наконец произнёс он.

И ушёл. Сена проводила его взглядом.

На следующее утро привычный порядок дома нарушился ещё до завтрака.

Она услышала встревоженный голос в коридоре, затем быстрые шаги.

— Что случилось? – спросила она у служанки, проходящей по этажу.

— Госпоже Ананье стало плохо.

Сена поспешила вниз.

Ананья сидела на диване в малой гостиной, бледная, с за-

крытыми глазами. Рядом с ней были муж и бабушка, которая испуганно держала её за руку.

— Ананья, тебе точно лучше?

— Да, Даади. Просто немного закружилась голова.

Ананья попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой.

Раджмир стоял рядом с диваном, прижимая телефон к уху.

— Врач уже едет, — коротко сказал он, закончил разговор и повернулся к сестре. — Почему ты не сказала, что плохо себя чувствуешь?

— Потому что до этого момента чувствовала себя прекрасно.

— Ты почти потеряла сознание.

Ананья открыла глаза.

— Если ты задашь мне ещё один вопрос, я действительно потеряю сознание. На этот раз исключительно от раздражения.

В другой ситуации все бы рассмеялись. Но Раджмир даже не улыбнулся. Он опустился перед сестрой на одно колено и осторожно взял её за запястье.

— У тебя ничего не болит?

— Нет.

— Точно?

— Раджмир. — Она накрыла его руку своей. — Посмотри на меня. Я в порядке.

Он кивнул, но Сена видела, что это его совершенно не

убедило.

Врач приехал довольно быстро. Пока он осматривал Ананью, Раджмир не находил себе места. Он ходил от окна к двери, останавливался, смотрел на часы и снова начинал двигаться. Несколько раз собирался что-то спросить, но сдерживался, видя, что врач занят.

Сена наблюдала за ним из кресла у стены. Она привыкла видеть его другим: уверенным, собранным, почти раздражающе невозмутимым, человеком, который всегда знает, что делать, кому позвонить и какое решение принять. Сейчас перед ней был старший брат, который не мог заставить сестру чувствовать себя лучше одним распоряжением. И, кажется, именно это было для него самым невыносимым.

Когда врач закончил осмотр, Раджмир оказался рядом с ним раньше всех.

— Что с ней?

— На данный момент ничего тревожного я не вижу. Давление немного понижено. Во время беременности такие состояния возможны, особенно если женщина недостаточно ела, пила или долго находилась на ногах.

— Это опасно для ребёнка?

— Признаков непосредственной угрозы нет. Но поскольку был предобморочный эпизод, я советую сегодня пройти дополнительное обследование в клинике. Проверим анализы и состояние малыша, чтобы ничего не упустить.

— Мы едем сейчас.

— Раджмир, — начала Ананья.

— Сейчас, — повторил он.

Врач спокойно кивнул.

— Это разумно. Только без паники.

Ананья выразительно посмотрела на брата.

— Последнее замечание адресовано тебе.

К вечеру обследования завершились. Анализы и результаты проверки не выявили ничего, требующего госпитализации, и врач разрешил Ананье вернуться домой. Раджмир настоял, чтобы сестра несколько дней отдыхала.

Дом постепенно возвращался к привычной жизни.

Тара работала над проектом. Сена помогла ей разобраться с композицией и цветом, показала, как сочетать старые фотографии с рисунками. Девочка придумала изобразить дом как большое дерево, в ветвях которого вместо листьев раскрывались маленькие окна с семейными воспоминаниями. В одном была Ананья, читающая ей сказку. В другом семейный праздник. В третьем Раджмир, державший на плечах совсем маленькую Тару, когда она только переехала в этот дом.

— Я получила высший балл! — громко объявила она, ворвавшись в гостиную после школы в субботу.

Ананья поднялась с дивана.

— Тара!

— Учительница сказала, что моя работа очень необычная! А ещё все задавали вопросы, и я ответила на каждый!

— Даже не волновалась? — спросил отец.

— Волновалась! Очень!

— Молодец, — тихо сказал Арджун и поцеловал сестру в макушку.

— И я хочу, чтобы Сена сегодня обязательно поужинала с нами, — заявила Тара. — Потому что без неё ничего бы не получилось.

За ужином она снова рассказывала о своей победе, а потом повернулась к Сене.

— Спасибо вам. За то, что помогли придумать дерево. И объяснили, как сделать все окна разными.

— Дерево придумала ты, — напомнила Сена. — Я только помогла увидеть, как его можно нарисовать.

— Всё равно спасибо.

Раджмир сидел напротив и молча слушал.

Позже, когда ужин закончился и остальные начали расходиться, он задержал Тару.

— Можно тебя на минуту?

— Конечно.

Они остановились у окна гостиной.

— Я хотел тебе кое-что сказать.

— Что?

Он некоторое время подбирал слова.

— Когда ты рассказала о проекте, я был довольно резок с Сеной.

— Очень резок, — согласилась Тара.

Он посмотрел на неё.

— Я считал, что ей не стоит тебе помогать, и сказал об этом. Не самым приятным образом. Теперь я понимаю, что был неправ. Её помощь действительно оказалась полезной. И мне жаль, что я сам не помог тебе подготовится к публичному выступлению. Я очень горжусь, что ты справилась сама.

— Но Сена мне очень помогла и даже порепетировала со мной.

Раджмир вздохнул.

— Мне неловко. Я прошу прощения у тебя и думаю, мне стоит извиниться перед Сеной, хотя я не совсем представляю, как лучше это сделать.

Тара посмотрела на него с искренним изумлением.

— Дядя Раджмир , вы что, не знаете про систему извинений Сены?

Он нахмурился.

— Про какую ещё систему?

— Про систему хороших поступков!

— Это что-то школьное?

— Нет! Это Сена придумала.

Тара села на подлокотник кресла, приготовившись объяснять очевидные вещи человеку, который явно отстал от жизни.

— Смотри. Если ты кого-то обидел, нужно сначала извиниться. Но просто сказать «прости» иногда недостаточно. Нужно ещё сделать что-нибудь хорошее.

— Например?

— Например, если ты нагрубил человеку, можно сказать: «Прости, я был неправ», а потом приготовить ему чай.

— Чай?

— Да. Или принести что-нибудь вкусное. Или пригласить на прогулку. Или помочь с тем, что ему трудно.

Раджмир смотрел на неё с возрастающим недоумением.

— И это называется системой?

— Конечно. У неё есть правила.

— Сколько?

— Два. Сначала искренне извиняешься. Потом делаешь что-нибудь хорошее. Только нельзя делать вид, что хорошим поступком ты покупаешь прощение. Это просто чтобы человеку стало теплее.

Он задумался.

— И давно вы этим занимаетесь?

Тара рассмеялась.

— Да все уже этим занимаются!

— Кто все?

— Все в доме!

Она загнула палец.

— Вчера папа случайно наступил маме на ногу и сказал: «Прости, дорогая, я принесу тебе подушку».

Второй палец.

— Позавчера мама забыла, что обещала помочь найти фотографии, и потом принесла мне манговый сок.

Третий.

— А когда я случайно испачкала одежду Лакшми, я извинилась и помогла ей перебрать рис.

— И что, теперь каждый раз, когда кто-то извиняется, он должен выполнять какое-нибудь поручение?

— Нет! — возмутилась Тара. — Ты не понимаешь. Это не наказание. Это способ показать, что тебе не всё равно.

Раджмир замолчал..

— Сена говорит, что иногда после ссоры людям трудно снова начать разговаривать нормально. А маленький хороший поступок помогает. Вместо того чтобы стоять и чувствовать себя ужасно неловко, ты можешь сказать: «Давай я сделаю тебе чай». И вы уже вместе пьёте чай, и всё становится немного лучше.

Раджмир невольно улыбнулся.

— Очень продуманная система.

— Конечно. Сена умная.

— Я заметил.

Тара прищурилась.

— Так ты собираешься извиняться?

— Полагаю, да.

— Тогда тебе нужно придумать хороший поступок.

— Налить ей чай? Но она его не пьёт.

Тара задумалась.

— Ну... для начала можно пригласить её смотреть с нами фильм. Сегодня же суббота. И сказать, что чай всем будешь наливать сам, а ей сделаешь кофе.

— Для начала? — переспросил он, но Тара уже тянула его за рукав.

— Пойдём.

Из студии сквозь шторы пробивались полоски света. Раджмир остановился у двери и вдруг почувствовал, как неровно бьётся сердце и холодеют ладони. Он не понимал, откуда это волнение.

Тара постучала сама.

Сена вышла, держа в руке кисть с застывшей серебряной краской. На щеке у неё снова была полоска металлической пыли.

— Вы заняты? — спросил он.

— Работаю.

— Я хотел поговорить.

Сена подняла глаза.

— Я был неправ насчёт проекта Тары.

Она чуть приподняла брови.

— Я не должен был говорить с вами в таком тоне. Вы предложили помощь…

Он замолчал, и слова словно застряли у него в горле. Тара за его спиной деликатно изучала потолок.

— Простите, — наконец сказал он.

Сена смотрела на него чуть дольше обычного. Потом кивнула и улыбнулась. Но он не уходил.

— И ещё, — произнёс он после паузы. — Сегодня суббота, и мы собираемся посмотреть фильм. Я хотел спросить,

не присоединитесь ли вы к нам.

— Пожалуйста, приходите! — не выдержала Тара. — Там очень красивые танцы!

— Чай подам лично я, — добавил Раджмир. — Всем. А для вас приготовлю кофе.

Сена посмотрела на них обоих: на сурового хозяина дома, который с видом человека, сдающего экзамен, предлагал ей кофе, и на Тару, глядевшую на неё с мольбой.

— Вы приготовите мне кофе? — переспросила она и рассмеялась. — Хорошо, сейчас вымою руки и приду.

Гостиную погрузили в мягкий полумрак. На большом экране мелькали яркие кадры. Ананья лежала на диване под пледом, бабушка устроилась рядом, Арджун с Сунитой заняли кресла, а Тара расположилась на ковре у ног Сены.

Раджмир обошёл комнату с подносом и каждому подал чашку. Бабушке придвинул чай поближе, Ананье бережно подоткнул плед. К Сене он подошёл последним и поставил перед ней маленькую белую чашку.

— Кофе, — сказал он.

Сена сделала осторожный глоток и удивлённо подняла брови. Кофе оказался именно таким, каким она пила его всегда: крепким и горьковатым, без сахара и молока.

— Я старался, — коротко ответил он и опустился в кресло рядом с её краем дивана.

Фильм оказался красочной историей с песнями и бесконечными признаниями в любви. Сена смотрела с интересом,

особенно на главного героя: высокий, широкоплечий, с идеально вылепленными мышцами, которых не скрывала даже небрежно расстёгнутая рубашка.

Раджмир не смотрел на экран. Мерцающий свет скользил по её профилю, задерживался на ресницах, касался приподнятого подбородка. Она чуть склоняла голову к плечу и держала чашку обеими ладонями, как держат что-то хрупкое и согревающее. Он смотрел внимательно, слишком внимательно, и с удивлением обнаружил, что не может заставить себя отвести взгляд.

— Какой красивый актёр, — негромко сказала Сена, не поворачиваясь. — И какой накачанный. Невозможно оторвать глаз.

Он помолчал.

— У него мышцы даже не дотягивают до моих.

Сена обернулась и посмотрела на него долгим, насмешливым взглядом. Потом тихо рассмеялась.

— Ну не знаю. Мне кажется, вполне дотягивают.

Раджмир улыбнулся. Бабушка, не отрывая глаз от экрана, едва заметно покачала головой, и в уголках её губ тоже спряталась улыбка.

Глава 8. Невеста

На следующий вечер, около девяти, в дверь студии негромко постучали.

Сена стояла на низкой стремянке, прижимая стеклянную пластину к бетонной стене, и сначала решила, что ей послышалось. Стук повторился.

Она осторожно спустилась, вытерла руки о рабочий комбинезон и приоткрыла дверь.

На пороге стоял Раджмир.

На нём был тёмно-графитовый костюм и безупречно завязанный галстук, и выглядел он так, словно только что вернулся с деловой встречи. Но привычной невозмутимости в его лице Сена не заметила. Он казался необычно серьёзным и даже немного напряжённым.

— Простите, что отвлекаю, — произнёс он. — Не могли бы вы ненадолго пройти в гостиную? Я хотел бы познакомить вас с одним человеком.

— Конечно. С кем?

Раджмир на мгновение задержал на ней взгляд.

— С моей невестой.

Сена застыла.

— С вашей… невестой?

— Да. Она вернулась сегодня вечером.

Он произнёс это совершенно спокойно, словно речь шла

о чём-то давно известном.

Сена растерянно моргнула. За три с лишним недели, проведённые в этом доме, она ни разу не слышала о предстоящей свадьбе. Ни Ананья, ни бабушка, ни Лакшми даже вскользь не упоминали девушку, которая должна была стать хозяйкой дома. Не было ни фотографий, ни разговоров о приготовлениях, ни случайно произнесённого имени. Как будто этой девушки вовсе не существовало.

— Я не знала, что вы помолвлены, — наконец сказала она.

— Вы и не могли знать. — Он отвёл взгляд. — Киара была в отъезде вместе с родителями. Свадьба через два месяца.

Два месяца. Почему-то именно эта подробность прозвучала особенно отчётливо.

Сена повернулась к двери, чтобы запереть студию. Ключ никак не попадал в замочную скважину, и её вдруг рассердили собственные непослушные пальцы.

— Мне стоит переодеться? — спросила она, оглядывая свой комбинезон.

— Нет.

Раджмир посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал вопрос.

— Будьте собой.

В гостиной горел яркий свет.

Это было первое, что заметила Сена. Обычно по вечерам здесь оставляли лишь несколько торшеров, и просторная комната наполнялась мягким золотистым полумраком.

Сейчас под потолком горела большая люстра, и в её сверкающих нитях дрожали сотни бликов.

Среди членов семьи, непринуждённо откинувшись на подушки, сидела она, будто всегда принадлежала этой комнате.

Первое, что пришло Сене в голову: очень красивая. Лет двадцати пяти, высокая, с густыми чёрными волосами, длинной блестящей волной спадавшими до талии, и огромными тёмными глазами, подведёнными так умело, что взгляд казался глубже. Чёткие скулы, полные губы с коралловым блеском, кожа цвета тёмного мёда. Сари цвета шампанского с серебряной нитью она носила совсем не так, как женщины этого дома: открытая спина, лёгкий пояс на талии. В ушах поблёскивали бриллианты, на запястьях звенели тонкие золотые браслеты.

— Так вот вы какая! — воскликнула та, вскочив с дивана, и Сена вздрогнула от того, как громко это прозвучало.

Она говорила быстро, перебивала сама себя, смеялась собственным шуткам раньше, чем успевала их закончить, и жестикулировала так, что браслеты не замолкали ни на секунду. В ней было что-то от избалованного ребёнка, привыкшего, что мир подстраивается под её желания. Ни злости, ни коварства, только абсолютная уверенность, что она находится в центре любой комнаты.

— Раджмир, ты не говорил, что она такая красивая! — Девушка обернулась к нему, потом снова к Сене, всплеснув руками. — Вы живёте в одном доме, а до свадьбы только два

месяца. Могут пойти слухи, ты не думаешь?

Их взгляды с Раджмиром встретились на долю секунды. Он ничего не сказал, но Сена увидела, как у него дрогнули скулы.

Она смотрела на невесту с осторожностью, сбитая с толку такой бестактностью.

— Сена Дюваль, — представилась она спокойно и села напротив, в кресло. — Я в этом доме работаю, как и другие, какие тут могут быть слухи? К тому же господин Капур совершенно точно не считает привлекательными европейских женщин. А жить в отеле я с самого начала планировала сама и могу уехать в любой момент, если это необходимо.

Раджмир обжёг её взглядом.

— Это исключено, — сказал он.

И добавил что-то на хинди, коротко и резко, хотя до этого в присутствии Сены все в доме говорили только по-английски. Она не поняла ни слова, но поняла тон: так не просят, так ставят точку.

Девушка сразу стала серьёзной и заговорила гораздо мягче.

— Да, извините. Я знаю, что вы известная художница. Меня зовут Киара. Киара Малхотра. Хотя через два месяца буду Капур, — добавила она и засмеялась, будто сказала что-то очень остроумное.

Английский у неё был не слишком хорош, и Сене приходилось вслушиваться.

— Очень приятно, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим.

— Мне тоже! Я ужасно рада, что вы здесь. Раджмир рассказал мне про фреску. Это так здорово, что в нашем доме работает настоящий художник!

«В нашем доме». Сена украдкой посмотрела на Ананью. Та глядела в свою чашку.

Раджмир остался стоять у дивана и в эту секунду почувствовал то, чему не хотел давать названия. Он ждал, что всё будет иначе. Ещё месяц назад приезд Киары показался бы ему чем-то естественным, но сейчас, глядя, как Сена сидит в рабочем комбинезоне, с серебристой пылью в волосах, а рядом сверкает и звенит его невеста, он вдруг ощутил странное, неприятное смущение. За время отсутствия Киары что-то в нём изменилось. Он только не понимал, что именно, и не хотел понимать.

— Я так люблю дизайн, — тем временем говорила Киара. — Честное слово, это моя страсть. Я столько читаю, смотрю. Раджмир, ты знаешь, я уже придумала, как всё тут изменить!

— Изменить? — переспросила Сена.

— Конечно! После свадьбы я перееду сюда, и мы наконец сделаем этот дом по-настоящему изящным. Он, конечно, красивый, но такой строгий, такой… — Она поискала слово, но не нашла. — Я добавлю цвета, золото, скульптуры.

Сена не ответила сразу. Она словно новым взглядом посмотрела на этот просторный дом.

— А зачем что-то менять? — тихо спросила она.

Киара замолчала на несколько секунд, а потом с неожиданным нажимом переспросила:

— Что?

— Дом прекрасен. В нём есть воздух и свет, и он такой… живой.

В комнате повисла тишина. Бабушка едва заметно приподняла голову, и Сена уловила в её глазах тёплый, одобрительный блеск. А Раджмир смотрел на Сену так, будто она вслух сказала то, что он сам давно хотел сказать и не мог.

Киара рассмеялась, но в смехе проскользнула нервная нотка.

—Ну скажете! — протянула она с улыбкой, в которой сквозила лёгкая снисходительность. — Мне всё-таки хочется добавить немного традиционных индийских красок.

Она на мгновение замолчала, словно собираясь с мыслями, но тут же оживилась:

— Возможно, я стану дизайнером. Хотя пока ещё не решила. Мне предлагают сниматься в кино, но я сомневаюсь. Не хочу второстепенные роли, к тому же я не знаю жён бизнесменов, которые снимались бы. Хотя Раджмир не против, но я не могу решиться. Возможно, если будет что-то масштабное.

Она произнесла всё это с обезоруживающей непосредственностью, словно перечисляла самые обыденные обстоятельства своей жизни, не замечая, как причудливо перепле-

таются её планы.

— Хотя сейчас столько дел с подготовкой к свадьбе, что времени уже не хватает, — добавила она, чуть понизив голос, словно делилась секретом.

И снова рассмеялась.

Тара опустила голову ещё ниже. Бабушка не шелохнулась. Раджмир едва заметно нахмурился, но промолчал.

— Наверное, ваша работа требует немало времени, Сена, — продолжила Киара с мягкой участливостью, за которой едва угадывалась снисходительность. — Должно быть, нелегко посвящать ей столько сил. А ваш муж не против, что вы работаете вот так, в другой стране?

— Я не замужем.

— Как? — Киара широко раскрыла глаза, и в её голосе прозвучало неподдельное изумление. — А почему?

В комнате повисла неловкая тишина. Кто-то осторожно поставил чашку на блюдце, но в наступившем молчании даже этот лёгкий звон прозвучал слишком громко.

Сена невольно подняла глаза и встретилась взглядом с Раджмиром. Он смотрел на неё, не отводя взгляда, и в его лице было что-то такое, что она не успела прочитать: не любопытство, скорее ожидание, почти тревога.

Сена чуть улыбнулась, ничем не выдавая своего отношения к столь бесцеремонному вопросу.

— Наверное, потому что я пока не встретила мужчину, с которым захотелось бы связать свою жизнь, — ответила она

спокойно.

Она произнесла это мягко, без тени раздражения, но с той уверенностью, которая не оставляла места для дальнейших расспросов.

— Ой, я не хотела вас обидеть! Просто у нас так принято, это же естественные вопросы. Я, например, считаю, что женщина должна… — Она не договорила: в разговор вмешалась Ананья.

— Киара, может быть, выпьешь чаю?

— Спасибо, Ананья, позже. Так вот, я хотела сказать, что для женщины так важно…

— Простите, — Сена поднялась. — Мне нужно продолжить работу.

Она сказала это вежливо и спокойно, как говорят в офисе, когда встреча подошла к концу. Киара растерянно моргнула.

— Уже? Но мы только познакомились!

— Я очень рада, что мы познакомились. Желаю всем прекрасного вечера.

Она кивнула остальным и направилась к двери. Проходя мимо Раджмира, она не взглянула на него, но почувствовала его взгляд, тяжёлый, молчаливый, следующий за ней до самого выхода.

В студии она медленно подошла к стене и остановилась, глядя на неоконченную линию, которая тянулась по бетону тонкой серебряной нитью. Из гостиной сквозь стены доносился громкий звонкий смех. Он был красивым, этот смех,

ничего не скажешь.

Сена взяла стеклянную пластину и вдруг поняла, что руки у неё слегка дрожат.

Почему же, думала она, прижимая к стене холодное стекло, ей так отчётливо казалось, что эта девушка совсем ему не подходит?

Глава 9. Пыльная буря

О пыльной буре, которую все называли «андхи», Сена узнала утром и сначала не придала этому значения.

Раджмир за пять минут отдал больше распоряжений, чем она слышала от него за все предыдущие дни. Слуги должны были проверить герметичность дверей и окон во всём доме, наполнить водой баки, а охране было велено заехать к каждому из домов в глубине сада и убедиться, что там всё закрыто и защищено.

— И пожалуйста, пусть проверят нижний уровень, — добавил он. — Все выходы.

— Почему все так обеспокоены? — спросила Сена.

— Вы когда-нибудь видели, как наступает ночь в четыре часа дня? — спросил Раджмир, не поднимая глаз от телефона.

Сена пожала плечами и решила, что это красивая метафора.

Днём дом преобразился. Слуги ходили по комнатам с такой сосредоточенностью, будто готовились к апокалипсису. Мебель с террас убрали в подвал, бассейн накрыли тяжёлым чехлом.

Небо к шести часам вечера приобрело странный жёлто-оранжевый оттенок, воздух замер, и даже птицы в саду затихли.

Вечером она рано поднялась к себе. Спала она всегда в берушах: привычка парижской квартиры над шумным бульваром, от которой так и не избавилась. Легла и почти сразу провалилась в сон.

Буря началась около двенадцати ночи. Яростный, ревущий ветер погрузил город в плотную мглу.

К этому времени свет погас во всём доме. Как только за стенами поднялся вой, Раджмир распорядился, чтобы все спустились в гостиную: там, на первом этаже, было безопаснее, а резервный генератор питал только вентиляцию. Комната, всегда залитая светом, сейчас казалась пещерой: на столиках и полу стояли фонари на батарейках, их неровный свет ложился на потолок длинными тенями, а гул за стёклами был таким, будто кто-то тяжёлым плечом навалился на дом.

Ананья лежала на диване под пледом, Арджун сидел рядом и держал её за руку. Бабушка устроилась в кресле, Сунита с Говиндом молча сидели на втором диване, а Тара забралась с ногами в большое кресло, подтянув колени к груди. Из холла доносились приглушённые голоса слуг.

Раджмир обвёл взглядом комнату и нахмурился.

— Где Сена?

Никто не ответил. Он взял фонарь и поднялся на второй этаж.

Он постучал дважды. Подождал и постучал ещё раз, сильнее.

— Сена.

Тишина. Он нажал на ручку, и дверь поддалась.

В комнате было почти темно. Лишь тонкий красноватый отблеск, пробивавшийся сквозь шторы, ложился на стену. Сена спала на широкой кровати, раскинувшись на спине, с рукой, закинутой за голову. На ней были простые хлопковые шорты и майка с тонкой полоской кружева по краю: ничего лишнего, но в этой простоте было что-то удивительно изящное. Одеяло лежало рядом. В ушах белели беруши. Безмятежная, как будто за стеной не гудел весь мир.

Раджмир задержал луч фонаря на стене, чтобы не светить ей в лицо, и несколько секунд просто смотрел. Он не собирался этого делать, но взгляд сам скользнул по линии плеча, по тонкой талии и ногам. У неё была красивая фигура, и в этой тихой полутьме, он поймал себя на том, что любуется ею дольше, чем позволяли приличия. Потом спохватился и осторожно тронул за плечо.

Она вздрогнула и открыла глаза. Увидела над собой тёмный силуэт, резко села и выдернула из уха беруши.

— Что вы здесь делаете?

— Началась буря, — спокойно сказал он. — Мы все спустились вниз. Я хотел проверить, как вы. Стучал, но вы не открыли.

Она не поняла его слов. Или поняла, но в тот же миг услышала то, что стояло за ними: оглушительный, низкий вой, от которого вибрировали стёкла. Повернула голову к окну. За стеклом не было ни неба, ни сада, ничего, кроме плотной

бурой тьмы, которая шевелилась, как живая.

— Почему… — Голос сорвался. — Почему ничего не видно? Почему так темно?

— Это буря. Она скоро пройдёт, час-два, не больше.

— Как страшно, — выдохнула она.

Раджмир увидел, как у неё начинают дрожать руки.

— Вам нужно спуститься в гостиную, — сказал он ровно, не повышая голоса. — Там все. Пойдёмте.

Она кивнула и торопливо спустила ноги с кровати. Босиком встала, шагнула к шкафу и замерла: в темноте ничего нельзя было разобрать. Раджмир молча подошёл и направил на полки луч фонаря. Сена схватила первые попавшиеся джинсы и футболку и натянула их прямо поверх того, в чём спала, дрожащими руками, с трудом справляясь с пуговицей. Успела схватить только телефон с тумбочки и сжала его в ладони.

— Наденьте, пожалуйста, обувь, — сказал он тихо.

Она посмотрела на свои босые ноги, будто видела их впервые. Сунула телефон в карман джинсов, нашла кроссовки у кровати, села и начала шнуровать, но руки тряслись так, что она не сразу попала в петлю. Раджмир ничего не сказал. Просто светил и ждал.

Они спустились вниз вместе. На лестнице вой слышался ещё громче, и Сена невольно ухватилась за перила обеими руками. На первом этаже, у входа в гостиную, Раджмир остановился.

— Мне нужно проверить спортзал, — сказал он. — Я слышу, что там прорывается ветер. Скорее всего, плохо закрыта дверь на террасу, и пыль проникла внутрь.

Она не успела подумать.

— Я иду с вами.

Пальцы сами вцепились в его рукав. Раджмир на мгновение посмотрел на её руку, потом на лицо, бледное, с широко открытыми глазами.

— Хорошо, — сказал он. — Если так вам спокойнее.

Они спустились по лестнице на нижний уровень. Чем ниже, тем громче становился свист, а когда Раджмир открыл дверь, Сена зажмурилась: воздух был густым и горьким, на зубах скрипел песок, в луче фонаря кружились плотные облака мелкой пыли. На полу у стеклянной двери лежал ровный коричневый налёт.

— Натяните футболку на лицо и дышите сквозь неё, — бросил он и шагнул вперёд.

Дверь на террасу действительно закрыли неплотно. Её приоткрыло порывом ветра, и в щель сочилась пыльная струя. Раджмир навалился на дверь плечом, прижал её обеими руками и задвинул засов до упора. Проверил ещё раз. Свист стих.

Он обернулся. Сена стояла посреди комнаты среди тренажёров, обхватив себя руками, и дрожала всем телом. Он подошёл ближе.

— Что с вами?

— Наверное, у меня паническая атака, — выговорила она сквозь зубы. — К сожалению, иногда такое бывает.

— Вам холодно?

— Нет. Это не холод.

Он всё равно стянул с себя свитер и надел на неё. Она не противилась. Свитер хранил тепло его тела и пах им.

— Можно мы постоим здесь несколько минут? — тихо спросила она.

— Можем. — Он помедлил. — Но воздух здесь плохой. Лучше подняться. Наверху работает вентиляция.

Она покачала головой. Не потому, что не соглашалась, а потому что тело не слушалось. Ноги будто приросли к полу.

Раджмир шагнул ближе и посмотрел ей в глаза. В тусклом свете фонаря, который он поставил на пол, он увидел в них такой страх и растерянность, что у него на мгновение сжалось дыхание. Он не стал больше ничего спрашивать. Просто притянул её к себе и крепко обнял.

Сена замерла. Несколько секунд она стояла в его руках, как деревянная, не зная, куда деть ладони, и слышала только собственное сердце, которое билось неровно и слишком громко. Потом что-то внутри отпустило. Дрожь стала тише. Она сделала вдох, настоящий, глубокий, пусть и с привкусом пыли, и почувствовала, как его рука на её спине осторожно, почти невесомо, замерла, будто он сам боялся лишнего движения. Она медленно подняла ладони и обхватила его за спину. Прижалась лбом к его груди, и под её щекой, ровно

и глухо, билось его сердце.

Это было странно. Так странно и так просто, что она не знала, как с этим быть.

Раджмир не двигался. Он стоял, не смея ни прижать её сильнее, ни отпустить, и чувствовал, как её дыхание медленно выравнивается у него на груди. Он не знал, что делать с тем, как она оказалась в его руках и как сильно ему не хотелось её отпускать.

Они стояли так долго. Он не торопил её. Где-то далеко за дверью выла буря, но здесь, внизу, вдруг стало очень тихо.

— Вам стало лучше? — спросил он наконец.

— Да, — ответила она едва слышно.

Он не сразу разжал руки.

Ночь они провели в гостиной. Лакшми разлила чай по чашкам, и бабушка протянула Сене самую горячую.

— Выпей чай. Это успокаивает.

Сена послушно взяла чашку обеими руками. Раджмир сел рядом, не спрашивая разрешения. Кто-то включил радио, и диктор на хинди, перебиваемый шипением помех, перечислял районы, где не было света. Тара задремала в кресле, свернувшись клубком. Арджун тихо переговаривался с отцом.

Сена пила чай маленькими глотками, слушала голоса вокруг и чувствовала, как накатывает усталость. Глаза закрывались сами. Где-то на границе сна она нашла рукой его ладонь, лежавшую на подлокотнике, и вцепилась в неё пальца-

ми, как в якорь.

Он не пошевелился.

Утром она проснулась, и первое, что почувствовала, это тепло в своей руке.

За окнами стояла плотная жёлтая дымка, и свет сквозь неё был странным, тусклым, как на старой фотографии. В гостиной ещё спали. Сена открыла глаза и увидела, что её пальцы всё ещё сомкнуты вокруг его руки.

Она подняла взгляд. Раджмир не спал. Он смотрел на неё спокойно, без улыбки, и в его глазах она не нашла ни насмешки, ни смущения. Она сразу убрала руку.

— Доброе утро, — тихо сказал он.

— Доброе.

Она встала и пошла на кухню. Ей отчаянно хотелось кофе. Подошла к кофемашине, нажала кнопку, и ничего не произошло. Нажала ещё раз. Экран оставался тёмным.

— Нет электричества, — подсказал Раджмир, появляясь за спиной. — Генератор питает только вентиляцию.

Сена прислонилась лбом к шкафу и рассмеялась коротко и беззвучно. Бессонная ночь, пыльная буря, паника, а теперь ещё и это.

Когда все проснулись, Раджмир собрал семью в гостиной.

— Звонила Киара, — сказал он. — У них буря прошла мягче. Пригород почти не задело. А в наш дом всё-таки попала пыль, к тому же дождя не было, и она всё ещё стоит в воздухе. Это небезопасно для Ананьи в её положении.

Я предлагаю поехать к Малхотрам, пока здесь не проведут влажную уборку.

— Я бы не хотела оставаться, — сказала Сена, — но и ехать, если честно, тоже.

— Вы поедете с нами. — Он повернулся к ней.

Она хотела возразить, но поймала его взгляд и промолчала.

В машине, садясь на переднее сиденье рядом с Раджмиром, она достала телефон. Экран был тёмным.

— Можно зарядить его здесь?

Раджмир молча взял у неё телефон и подключил. Дотронувшись до её пальцев, он почувствовал, что они очень холодные: наверное, последствия шока.

Они поехали: в одной машине Ананья с Арджуном и его родителями, в другой Раджмир, бабушка, Тара и Сена. Раджмир вёл машину сам, хотя обычно ездил с водителем. Сена сидела рядом. Она по-прежнему была в его свитере.

Утреннее солнце казалось блёклым, белесым пятном, едва пробивающимся сквозь плотную, висящую в воздухе грязно-жёлтую мглу. Воздух за окном был таким густым, что, казалось, его можно потрогать руками.

Раджмир сразу нажал кнопку кондиционера, чтобы удушливый запах не проникал в салон. На приборной панели датчик температуры показывал +34 °C, хотя день только начинался. Ехать пришлось вдвое медленнее обычного: дороги были словно присыпаны серым пеплом, а на обочинах гро-

моздились огромные кучи листьев и сломанных веток.

Город казался нереальным, призрачным. Все встречные машины двигались с включёнными фарами из-за плохой видимости, а их кузова были покрыты толстым ровным слоем бурого песка. Кое-где на обочинах стояли припаркованные тук-туки, чьи водители лениво смахивали грязь со стёкол тряпками, поднимая новые облачка пыли. У перекрёстков лежали вырванные с корнем деревья и оборванные провода, оставившие тысячи людей без света. Из-за обесточенных, замерших светофоров регулировщики в масках вручную направляли задыхающийся в пробках поток.

Сена молча смотрела в окно и делала в блокноте быстрые зарисовки этого апокалиптического пейзажа. В этот раз буря оказалась сухой, без спасительного ливня, который обычно смывает грязь с небес. Ощущение удушья и зноя никуда не исчезло, и город продолжал дышать раскалённой пустыней.

— Раджмир, — вдруг сказала бабушка тихим голосом. — Я хочу помолиться, чтобы в этой трагедии не было погибших. Давайте заедем в храм. Он по пути.

Он посмотрел на неё в зеркало заднего вида.

— Просто нужно помолиться, — ещё раз сказала она. — После такой ночи это самое лучшее лекарство.

Храм был переполнен. Часть людей была в повязках и масках, но воздух тут был тяжёлым и от благовоний. Они приходили поблагодарить за то, что пережили бурю: женщины с гирляндами оранжевых бархатцев, мужчины с подно-

шениями, дети, держащиеся за руки взрослых. Гул голосов, густой запах благовоний, звон колокольчиков.

Сена посмотрела на тесную толпу и осталась в машине. Она прислонилась головой к стеклу и закрыла глаза, но мир снаружи всё равно проникал к ней. Где-то совсем рядом пронзительно и ритмично зазвенел храмовый колокол, возвещая о начале ритуала. Сена глубоко вздохнула и провалилась в тревожную полудрему.

Она открыла глаза от стука в окно.

У машины стояла Киара в бледно-голубом сари, сияющая и безупречная, как будто для неё не существовало ни пыли, ни бури. Рядом с ней стояла пара средних лет: мужчина с сединой на висках и женщина в тяжёлых золотых серьгах. Родители. Они приехали их встретить.

Киара наклонилась к Раджмиру, вышедшему из храма вместе с бабушкой, и что-то тихо сказала ему на хинди. Сена не поняла слов, но поняла тон: недовольный.

Раджмир коротко ответил. Киара поджала губы, но тут же снова расцвела и повернулась к Ананье, которая подошла следом.

Дом Малхотров оказался светлым и просторным, с мраморными полами и огромными окнами, за которыми лежал аккуратный сад, не тронутый бурей.

Все расселись за большим столом. Слуги внесли еду: ароматный рис басмати с шафраном, блюда с овощным сабджи и сочным цыпленком тикка масала, горячие лепешки наан,

чаши с прохладным йогуртовым райтом.

Отец Киары говорил медленно и с сильным акцентом, мать кивала, Киара щебетала о том, как сильно они волновались.

Родители Киары почти не говорили по-английски, поэтому за столом то и дело переходили на хинди. Киара что-то быстро пересказывала им, они отвечали, Раджмир время от времени вставлял пару слов. Сена не понимала ни слова и только ловила своё имя, которое то и дело мелькало в чужой речи, и взгляды, которые сопровождали его. Ананья иногда наклонялась и вполголоса переводила, но коротко, тщательно подбирая слова. Сена вежливо кивала, вертя в пальцах вилку, и чувствовала себя гостьей на чужом спектакле.

— Сена, возьмите вот это, — сказала мать Киары, подвигая к ней тарелку.

— Спасибо. Можно мне кофе?

— Кофе? — переспросила женщина, и слуга замер.

— Да, пожалуйста. Пять порций в одну чашку, — сказала Сена и добавила, увидев недоумённые взгляды: — Я плохо спала.

За столом повисла короткая пауза. Раджмир, сидевший напротив, едва заметно приподнял бровь.

— Пять? Вы настолько любите кофе? — с тёплой усмешкой спросил он и открыто улыбнулся Сене.

Это совсем не понравилось Киаре.

— Вы вообще что-нибудь едите? — вдруг спросила мать

Киары. — Вы такая худая. Почему вы такая худая?

— Это некрасиво, — подхватил отец, кивая. — Женщина должна быть… — Он поискал слово. — Здоровой.

Сена опустила глаза на свою нетронутую тарелку.

— Одним, чтобы насытиться, нужно совсем немного еды, — спокойно заметила она. — А вот другим явно не помешало бы урезать свой рацион пустой болтовни.

Мать Киары переспросила что-то у дочери на хинди, но та промолчала.

Сена встала, положила салфетку на стол и вышла в сад.

Раджмир проводил её взглядом. Он видел, как она идёт между аккуратными клумбами, останавливается у каменной ограды и стоит, не двигаясь, глядя куда-то в сторону. Затем она опустилась прямо на газон и закурила.

Внутренне он поморщился, ведь уже просил её не делать этого на людях. Однако беспокойство за неё тут же уступило место всем его недовольствам.

Он поднял чашку, поставил обратно, не сделав ни глотка. Киара что-то спрашивала, он ответил невпопад.

Чуть позже ему позвонили из дома.

— Мы убрали пыль, господин Капур, — сказала Лакшми. — Сделали влажную уборку, везде. Свет вернули час назад, всё работает. Можете возвращаться.

Он поблагодарил её и вернулся в дом. Объявил, что всё готово к отъезду, и семья начала послушно собираться.

У дверей Киара задержала его. Прощаясь, она долго не

выпускала его ладонь из своих тонких пальцев, заставляя остановиться. Она буквально щебетала, заглядывала ему прямо в глаза и поглаживала его по плечу и волосам. Раджмир вежливо замер, позволяя ей эту близость, но его взгляд то и дело ускользал туда, где была Сена.

В машине Сена села сзади, чтобы не смущать Киару, между Тарой и бабушкой. Раджмир занял место водителя и в зеркало видел, как она смотрит в окно.

Ее телефон зазвонил и она, взглянув на экран быстро ответила по-французски.

Раджмир не знал французского, но уловил главное: голос Сены стал резким. Она заговорила быстро и довольно громко. Свободной рукой жестикулировала, будто спорила с невидимым собеседником. Потом замолчала и слушала. Лицо её менялось медленно, как будто кто-то выключал в нём свет.

Потом она сказала ещё что-то тихо, одними губами, и опустила телефон.

Несколько секунд она сидела неподвижно. Потом закрыла глаза.

— Всё в порядке? — спросил Раджмир, взглянув на неё в зеркало.

— Да, — сказала она, не открывая глаз. — Всё в порядке.

— С тобой явно что-то не так, — осторожно сказала проснувшаяся бабушка.

— Вы почти плачете, — тихо добавила Тара.

— Я никогда не плачу, — ответила Сена.

Она сидела прямо, с закрытыми глазами, и руки её лежали на коленях, плотно сжатые. Но Раджмир видел: её лицо было таким беспомощно печальным, каким он не видел его даже вчера ночью.

Он отвернулся и смотрел на дорогу, но перед глазами стояло только это лицо. Он думал о том, какой радостной она была, когда пекла круассаны, и какой дерзкой, когда разговаривала с ним в кабинете, но сегодня она была совершенно другой. И вдруг понял, с ясностью, от которой стало тесно в груди: он не может этого выносить. Не может видеть, как ей плохо. Это было не вежливое сочувствие и не привычная забота о тех, кто живёт под его крышей. Это было другое, и оно пугало его гораздо больше пыльной бури.

Глава 10. Байк

Киара стала появляться в доме почти каждый день.

Сена слышала её раньше, чем видела: звонкий голос в холле, смех на лестнице, быстрые шаги по мраморному полу и звон браслетов, который теперь сопровождал дом постоянно. Его словно перестали покидать люди с папками образцов, рулонами тканей и измерительными лентами: декораторы, флористы, швеи, организаторы. На столах в гостиной лежали эскизы арок, на спинках кресел висели образцы шёлка.

Сена наблюдала за этим переполохом и всё больше удивлялась одной детали. Раджмир, чья свадьба была поводом для всей этой суеты, почти не участвовал в ней. Он возвращался поздно, спокойно выслушивал вопросы Киары о цвете скатертей, меню и списке гостей и на всё отвечал одинаково ровно: «Как ты считаешь нужным».

В то субботнее утро Сена спустилась в гостиную с рюкзаком за плечами, и в голове у неё уже сложился план.

Там собрались почти все: бабушка с чётками в кресле, Арджун с газетой, Тара, которая сразу подняла голову, и Киара, листавшая на телефоне фотографии свадебных украшений. Рядом с ней сидел Раджмир и без особого интереса разглядывал что-то в своём телефоне.

— Хочется сегодня немного сменить обстановку, осмот-

реть город и то, что вокруг, — сказала Сена, опускаясь в свободное кресло. — Расскажите, вам часто удается куда-то выбираться? Мне почему-то кажется, что домашние дела и заботы редко отпускают вас в дальние поездки.

— Ну почему же, — ответила бабушка мягко. — Мы тоже выезжаем. Раджмир бывает в поездках довольно часто, у него есть свой самолёт, и мы иногда вылетаем за границу, но ненадолго. Мы очень любим наш дом. Любим быть в семье, особенно в дни праздников. На Холи у нас весь двор в красках: мы обсыпаем друг друга порошком, смеёмся, пока не остаётся ни одной чистой одежды, и все, даже слуги, забывают о возрасте. А на Дивали мы зажигаем сотни лампад, украшаем дом гирляндами, готовим сладости и ждём, пока в окнах загорятся огни, чтобы встретить новое начало со светом. Это наши важные праздники и традиции, мы их чтим. — Она чуть улыбнулась. — К тому же в Индии девочек с детства воспитывают так, чтобы они занимались домом, бытом, создавали уют. Это тоже часть нашей жизни, и мы к этому привыкли.

Сена кивнула и вдруг сказала:

— Вы, наверное, самая удивительная семья из всех, которых я встречала. Я знакома со многими богатыми и знаменитыми людьми. Одни расточительны до неприличия, а с дру-

гими хочется проститься в первую же секунду. А у вас так много любви и заботы друг о друге, что мне, честно, хочется остаться здесь подольше.

В комнате стало тихо. Бабушка посмотрела на Сену долгим, тёплым взглядом. Но Киара напряглась. В её взгляде, обращённом на Сену, не было ничего, кроме холодной, плохо скрытой неприязни.

— Удивительна не наша семья, дитя, — сказала она. — Удивительна ты. Потому что это твои глаза видят нас такими.

Тара тихо улыбнулась. Ананья, не поднимая глаз от чашки, спрятала улыбку. А Раджмир, который секунду назад рассеянно скользил взглядом по экрану телефона, замер. Он поднял голову и посмотрел на Сену так, словно услышал что-то, чего не ожидал услышать именно от неё и именно здесь, и на мгновение забыл о том, что рядом сидит невеста.

Киара заметила это. За всё время, что она бывала в этом доме, бабушка Раджмира ни разу не сказала ей ничего подобного, а теперь и он смотрел на другую. Она подняла на Сену взгляд, в котором холод смешался с ревностью, и улыбка на её лице стала заметно жёстче.

— Куда же вы хотите поехать? — спросила Тара, не замечая или делая вид, что не замечает. — На машине?

— Нет. Я нашла в аренду байк. — Сена оживилась. — Люблю передвигаться по городам и островам именно так.

Можно остановиться в любую секунду, сделать снимок или набросок. На машине ты смотришь на мир через стекло, а на байке живёшь внутри него.

Раджмир оторвался от телефона и поднял на неё взгляд, очень недовольный.

— Нью-Дели не остров, — сказал он ровно. — Движение здесь сложное, аварий очень много, и особенно часто страдают водители байков. Это небезопасно. Вы можете взять любую машину с водителем и ездить спокойно.

— Спасибо, но вопрос решён, — ответила Сена, не отводя глаз. — К ужину я вернусь. Я ездила на байках на Бали и в Таиланде и, как видите, до сих пор жива. Так что за меня не стоит беспокоиться.

Он замолчал. Потом тихо, почти не разжимая губ, сказал что-то на хинди: что ему ещё не встречалась женщина упрямее. Сена не разобрала ни слова, но Тара поспешно уткнулась в чашку, а Ананья прикусила губу, пряча улыбку.

Раджмир посмотрел на неё в упор. Долго, тяжело, без тени улыбки. И по этому взгляду она поняла, что он безумно сердится.

— Он совершенно прав, — тут же подхватила Киара и отложила телефон. — Это действительно опасно, — сказала Киара и отложила телефон. Она смотрела на Сену с искренним недоумением. — Я просто не понимаю, как можно

ослушаться Раджмира. Он ведь знает, о чём говорит.

Сена поднялась.

— До вечера, — только и ответила она.

К семи вечера она не вернулась.

После ужина они собрались в гостиной, как собирались каждую субботу: по устоявшейся семейной традиции вместе смотрели какой-нибудь старый индийский фильм. Выбирала бабушка, и сегодня это была чёрно-белая мелодрама с песнями, которую она, наверное, видела не один десяток раз. Лакшми разносила чай, Арджун устроился рядом с Ананьей, Тара сидела на ковре у бабушкиных ног. Киара, как будущая хозяйка, расположилась на диване рядом с Раджмиром и держала его за руку.

В восемь Сены всё ещё не было.

— Она же обещала к ужину, — тихо сказала Тара и в третий раз набрала её номер.

Из трубки донёсся только ровный механический голос: абонент недоступен.

— Может быть, пробка, — сказала бабушка, не отрываясь от экрана, но Раджмир заметил, как её пальцы перебирают чётки чуть быстрее обычного.

— Она взрослая, — вмешалась Киара. — Наверное, занята чем-то интересным и не думает о времени.

Никто не ответил.

В девять фильм дошёл до самой трогательной сцены, но

никто не следил за сюжетом. Тара сидела с телефоном в руках и каждые несколько минут пыталась дозвониться. Бабушка отложила чётки и молча смотрела в окно. Ананья положила ладонь на живот и нахмурилась. Раджмир встал, будто просто размяться, подошёл к окну и несколько минут смотрел на сад. Потом достал телефон, отошёл в коридор и негромко, коротко сказал что-то охране.

— Если она не появится в течение получаса, я попрошу нашу службу безопасности начать ее **искать**, — сказал он спокойно. — Это ненормально. Все волнуются. — Раджмир, она же сама сказала, что… — начала Киара. — Она сказала, что вернётся к ужину, — перебил он. — Сейчас десять часов. Киара закусила губу.

В половине одиннадцатого Сена вернулась.

Волосы растрёпаны, футболка грязная, джинсы на колене порваны, и сквозь прореху видна огромная ссадина, от которой вниз по голени тянулись тёмные дорожки засохшей и свежей крови. На щеке полоса грязи, ладони стёрты. Она держалась прямо, но стояла чуть боком, перенося вес на здоровую ногу.

Никто не пошевелился.

— Не обращайте на меня внимания, — сказала она быстро и слегка небрежно, как будто просто вернулась из магазина. — Я попала в аварию, но всё в порядке. Сейчас быстро обработаю рану у себя и всё. Извините, что побеспокоила вас. Я знаю, что до меня было не дозвониться: телефон сел.

Но самое ужасное не это. Байк не заводился, и я оставила его где-то, сама не понимаю, где, а домой добралась на туктуке. Так что, видимо, теперь мне придётся его выкупать и договариваться с владельцем.

Она улыбнулась, пытаясь придать словам лёгкость. Улыбка вышла кривой.

Раджмир поднялся. Медленно, будто боялся сделать лишнее движение. Он смотрел на её ногу.

Но заговорила Киара.

— Вы хоть понимаете, как все волновались? — Она вскочила с дивана, и голос у неё сорвался на высокие ноты. — Раджмир ведь вас предупреждал!

В гостиной стало очень тихо. Сена перевела на неё взгляд, и в её усталых глазах мелькнуло что-то холодное и спокойное.

— Раджмир ведь будет вашим мужем, — сказала Сена улыбаясь, — вот и слушайтесь его.

Киара застыла. Рот её приоткрылся, глаза распахнулись так широко, что в них отразился свет люстры, и на лице проступило то особое выражение, которое бывает у человека, услышавшего что-то настолько неожиданное, что на ответ просто не находится слов.

Она развернулась, чтобы уйти, но Раджмир уже стоял рядом.

— Вы никуда не пойдёте, пока вас не осмотрит врач, —

сказал он тихо.

— Это просто ссадина.

— Это не обсуждается.

Он достал телефон и вызвал врача, не отводя от неё взгляда.

Она поднялась к себе и закрыла дверь. Присела на край кровати, подтянула ногу, и только теперь поняла, как болит колено. Прошло минут двадцать. В дверь постучали.

— Сена.

— Всё в порядке. Я сама.

— Откройте, пожалуйста.

— Я справлюсь.

— Сена. — Он говорил спокойно, но так, что спорить было невозможно. — Или вы откроете, или открою я.

Она закатила глаза, шумно выдохнула и открыла дверь.

Врач оказался пожилым мужчиной с аккуратной сединой, спокойным лицом и небольшим кожаным саквояжем. Он поставил его на тумбочку, задал несколько коротких вопросов и попросил Сену снять джинсы.

Она молча направилась в ванную, но почти сразу поняла, что сделать это будет непросто. Кровь успела засохнуть, намертво приклеив ткань к повреждённой коже. Каждая попытка стянуть джинсы отзывалась болью. Сена стиснула зубы и ухватилась за край раковины.

— Вам помочь? — раздался из комнаты голос Раджмира.

Врач поднял на него удивлённый взгляд, но благоразумно

промолчал.

— Сама справлюсь, — отозвалась она сквозь зубы.

Спустя несколько мучительных минут Сена наконец вышла из ванной в одной футболке. Она осторожно опустилась на стул, стараясь лишний раз не сгибать пострадавшую ногу.

Врач придвинул стул, надел перчатки и принялся за осмотр. Его пальцы осторожно прощупали кожу вокруг раны, проверили подвижность ноги.

— Ссадина глубокая, — деловито заключил он. — Но признаков повреждения кости я не вижу. Обработаем, наложим повязку. Если боль усилится, потребуется снимок.

Он открыл саквояж, достал флакон с раствором и стерильные салфетки.

— Сейчас будет немного неприятно.

Врач работал методично, не торопясь. Розоватая жидкость стекала по голени, а вместе с ней на пол падали разбавленные капли крови.

— Мы тут всё перепачкаем, — пробормотала Сена, заметив тёмные пятна на светлом полу.

— Не беспокойся об этом, — почему то, обратившись к ней на ты, тут же отозвался Раджмир.

Он всё это время ходил по комнате. От окна к двери и обратно, ровно, размеренно, словно пытался измерить её шагами.

— Поставлю укол от столбняка, — сказал врач. — На всякий случай.

— Хорошо, — ответила Сена. И он наполнил шприц и воткнул его в плечо.

Дверь тихо приоткрылась, и в комнату вошла бабушка. Она остановилась у кровати, взглянула на повязку, на побледневшее лицо Сены, и в её глазах мелькнула такая тревога, что у девушки защипало в горле.

— Дитя моё, — ласково произнесла она. — Я приготовлю тебе мазь по старому рецепту. Вот увидишь, рана быстро затянется. Не волнуйся.

— Спасибо, — прошептала Сена.

В этот момент дверь снова распахнулась.

— Вот к чему приводит упрямство! — воскликнула Киара, стремительно входя в комнату. Она остановилась посреди комнаты и возмущённо оглядела присутствующих. — Если бы вы послушали Раджмира, ничего бы не случилось!

Сена медленно подняла голову и посмотрела на Раджмира.

В её взгляде не было ни просьбы, ни упрёка. Лишь последние крупицы терпения. Ещё пара секунд — и она встанет, невзирая на рану, возьмёт невесту хозяина дома за локоть и собственноручно выставит за дверь.

Раджмир повернулся к невесте.

— Киара, — тихо произнёс он. — Пожалуйста, оставь нас.

— Но, Раджмир…

— Прошу тебя.

Она открыла рот, собираясь возразить, но передумала.

Поджала губы и вышла, не оглядываясь. Дверь за ней хлопнула чуть громче, чем следовало.

В комнате снова воцарилась тишина.

Раджмир перестал мерить комнату шагами и замер посреди неё. Он смотрел на Сену долго, пристально, не произнося ни слова. В этом взгляде было слишком многое: тревога, которую он не успел скрыть, гнев, который изо всех сил пытался сдержать. Ни он, ни она не произнесли ни слова. И лишь Камла Деви начала догадываться, что скрывается за этим напряжённым молчанием.

Глава 11. Звёзды

Было уже близко к полуночи, когда на следующий день Сена вышла к бассейну.

Нога всё ещё напоминала о себе при каждом шаге. Она спустилась по каменным ступеням, устроилась на любимом шезлонге у самой воды и достала сигареты.

Бассейн светился мягким зеленоватым светом. Над крышами города висело тёплое марево, и звёзд в нём было совсем немного: огни Нью-Дели гасили всё, что слабее. Сена различила лишь несколько самых ярких точек и одну ровную, немигающую, похожую на планету. Но небо от этого казалось только выше и тише.

Шаги она услышала не сразу. Они были негромкими и ровными, и когда Сена повернула голову, он уже стоял у ступеней: в тёмном костюме, с ослабленным галстуком. Было видно, что он сильно устал.

— Вечер, бассейн, сигареты, — заметил Раджмир.

—Это вы установили эти правила, — с лёгкой усмешкой ответила Сена.

Он подошёл ближе и посмотрел на её ногу.

— Как колено?

— Лучше. Врач говорит, что через неделю будет как новое.

— Вы приехали в Индию на три месяца, — сказал он се-

рьёзно, — и за это время решили вывести из строя свои ноги. Я начинаю опасаться за остальное.

Сена улыбнулась. Улыбка вышла неожиданной, тёплой, и от этого ей самой стало слегка не по себе.

—Это я, —сказала Сена. —Я постоянно обо что-то ударяюсь, падаю, проливаю на себя горячий кофе. Моя неаккуратность имеет вполне определённые последствия.

—Тогда вам лучше жить в доме без ваз, — сказал Раджмир.

Он улыбнулся и очень тепло посмотрел на неё. Потом помолчал, будто сам удивился сказанному, и вдруг опустился на соседний шезлонг.

Сена замерла с сигаретой в пальцах. Раджмир откинулся на спинку, вытянул ноги, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, потом ещё одну и окончательно стянул с шеи галстук, свернув его в ладони. Он смотрел вверх, на небо

— Вы не против? — спросил он, не поворачивая головы.

— Это ваш дом и бассейн.

— Это не ответ.

— Тогда нет, — сказала она. — Не против.

Некоторое время они молчали. Из сада пахло жасмином, где-то далеко, за стеной, проехала машина, и вода в бассейне чуть слышно переливалась через невидимый борт.

— О чём вы думаете, когда сидите здесь? — спросил он наконец. — Когда смотрите на город и на звёзды.

Сена стряхнула пепел.

— О самом разном. О каких-то моментах своей жизни. О том, как отличаются Индия и Франция, и как странно мне здесь, и как при этом хорошо. — Она помолчала. — Знаете, когда я приехала, я думала, что просто сделаю фреску для Ананьи. А теперь у меня внутри столько цвета, что хочется добавить его его во все свои работы. Здесь всё такое живое: ткани, специи, храмы, даже эта пыль в закатном свете. Думаю, я ещё очень долго буду переваривать эти впечатления.

— Вы рады этому?

— Скорее да. Но есть и то, что меня огорчает. — Она посмотрела на огонёк сигареты. — Сколько мусора на улицах Нью-Дели. Сколько людей живёт так, как не должен жить никто. Я проезжала мимо кварталов, где у домов нет даже нормальных стен, а потом возвращалась сюда, в ваш дом. Такой контраст миров.

Раджмир ответил не сразу.

— Мы как раз строим дома, — сказал он. — Не только для продажи. У нас есть социальный проект: жильё для семей, которых переселяют из таких районов. Не палатки и не коробки, а настоящие квартиры, с водой и светом.

Сена повернула к нему голову.

— Правда?

— Правда. Об этом не пишут в газетах, и я не стремлюсь, чтобы писали.

— А вы о чём думаете? — спросила она.

— Мне некогда думать о чём-либо, кроме работы.

— Это неправда.

— Почти.

— Мне кажется, — сказала Сена осторожно, — что вы очень мало думаете о свадьбе.

Раджмир повернул голову и посмотрел на неё. Долго, молча. Свет от воды лежал на его лице неровными пятнами, и в этом свете она не смогла прочитать его выражения. Она уже пожалела о сказанном и приготовилась извиниться, но он снова поднял глаза к небу.

— Знаешь, — произнёс он тихо, — я тоже иногда люблю смотреть на звёзды.

Он сказал это просто, без нажима, и Сена вдруг поняла, что он обратился к ней на «ты».

— Когда умерли мои родители, я часто лежал во дворе и смотрел на небо. Мне было двенадцать. Я придумал, что одна из звёзд — это мама, а другая — папа. Я разговаривал с ними. Рассказывал, когда мне было тяжело, и иногда, реже, когда было радостно. — Он помолчал. — Иногда я делаю так и сейчас.

Сена не пошевелилась.

— Я не знаю, как бы они отнеслись к тому, что я женюсь на Киаре. Не знаю, гордились бы они мной вообще. И, к сожалению, никогда не узнаю ответа на эти вопросы. Но я стараюсь ради своей семьи. И надеюсь, они видят, что из того агрессивного мальчика, которым я был в детстве, получился достаточно заботливый и успешный мужчина.

В тишине слышно было, как вода переливается через край бассейна. Сена затушила сигарету, потому что вдруг показалось неправильным держать её в руке.

— Уверена, они бы невероятно гордились — сказала она тихо и добавила спустя время — Я даже не ожидала что мы можем вот так просто лежать и разговаривать.

— Я тоже.

— Вы, кстати, только что перешли на «ты».— Она запнулась.

— Мне кажется, что это подходящий момент — сказал он. —Ты не против?

— Нет — ответила Сена.

Они снова замолчали, но теперь это молчание было другим. Не тем, что держит людей на расстоянии, а тем, в котором можно дышать.

— Скажи мне, — произнёс Раджмир через некоторое время, — что так расстроило тебя, когда мы ехали домой от Киары?

Сена напряглась.

— Это не стоит твоего внимания.

— Я хотел бы знать.

Она еще немного помедлила в сомнениях.

— Несколько лет назад, когда я была ещё не такой известной художницей, — сказала она, улыбаясь, — один коллекционер купил мою работу.

Она очень важная для меня, и я думаю продавать её во-

обще было ошибкой. Но тогда мне были нужны деньги. Он оставил её в музее, чтобы её видели за что я ему очень благодарна. А теперь её испортили, прямо на выставке.

— Облили краской. — Голос у неё чуть дрогнул. — Музей сразу связался со страховой, работу осматривают реставраторы. Но коллекционер не хочет держать её в таком виде. Считает, что она потеряла в цене, и требует компенсации и с музея, и со страховой. Теперь все спорят, кто за что отвечает, и это затянется надолго. А я хочу просто выкупить её обратно и забрать домой. И ищу варианты как это сделать.

— Мне очень жаль, Сена, — произнёс он, глядя ей прямо в глаза.

Она посмотрела на него, и в этот раз он не отвёл взгляда.

— Я волновался за тебя. Он немного помолчал.

— Я заметила, — сказала она.

Он не ответил. Только чуть повернул голову, и она увидела, как уголок его рта медленно поднялся.

Они лежали рядом, пока не стало совсем поздно. Где-то над ними, высоко в тёплой пыльной темноте, горели звёзды, и Сена подумала, что, может быть, одна из них, и правда, смотрит на этого человека.

Утром в доме было шумно.

Сена услышала голос Киары ещё с лестницы: громкий, звонкий, радостный. Она спустилась в гостиную и обнаружила, что почти вся семья уже в сборе: бабушка, Ананья, Арджун с родителями, Тара. Не было только Раджмира.

Киара стояла посреди комнаты с телефоном в руке и говорила, не останавливаясь.

— Близкий друг Раджмира, Вихан, женится на Ридхиме, и мы все приглашены! Свадьба уже через неделю! Он так долго не решался сделать ей предложение, а теперь всё завертелось в один миг. Астролог нашёл идеальную дату, и у них совпало буквально всё!

— Через неделю? — удивилась Сена, садясь в свободное кресло.

— В Индии это бывает, — сказала бабушка мягко. — Когда звёзды сходятся, откладывать нельзя.

Сена с интересом посмотрела на неё. Камла Деви убрала чётки и чуть наклонилась вперёд.

— Видишь ли, Сена, — начала бабушка, — у нас свадьба не начинается с праздника. Она начинается с даты. Сначала семьи приносят астрологу гороскопы жениха и невесты, и он сравнивает их по особым правилам: из тридцати шести возможных совпадений нужно набрать хотя бы восемнадцать. Если звёзды не согласны, свадьбу откладывают, иногда на годы. А если согласны и ещё указывают особенно удачный день и час, тогда всё решается очень быстро.

— Вихан и Ридхима набрали тридцать два! — оживлённо вставила Киара. — Тридцать два из тридцати шести! Это почти невероятно! У нас с Раджмиром совпадений немного меньше, поэтому подходящую дату пришлось ждать дольше. Но теперь и наша свадьба совсем скоро!

— У вас тоже очень хороший результат, — улыбнулась Ананья.

— А потом, — продолжала бабушка, — начинаются несколько дней праздника. Невесте рисуют хной узоры на руках и стопах: говорят, чем темнее получится рисунок, тем крепче будет любовь. Жениха и невесту натирают куркумой, чтобы кожа светилась, а зло не приближалось. Вечером все поют и танцуют, и эти песни старше любой из нас. Потом приходит главный день.

— Жених приезжает на белой лошади, — сказала Тара очень воодушевленно и радостно.

— Впереди бьют в барабаны, а родственники танцуют прямо посреди дороги.

— Это называется бараат, — кивнула бабушка. — Жених едет к дому невесты с музыкой, с родными и друзьями, и всё вокруг гремит. Потом семьи встречаются у ворот и обнимаются, как будто знали друг друга всегда. Жених и невеста обмениваются цветочными гирляндами. Это первый жест, которым они принимают друг друга.

— И подарки, — снова вставила Киара. — Семьи дарят друг другу подарки: золото, шёлк, украшения. Это очень важно!

— Это знак уважения, — мягко поправила бабушка. — Но самое главное происходит у огня.

Она замолчала на мгновение, и в комнате стало тише.

Под высоким балдахином, который называется мандап,

зажигают священный огонь. У нас верят, что огонь видит всё и ничего не забывает, поэтому он и становится свидетелем. Жрец читает древние стихи на санскрите, а жених и невеста обходят огонь семь раз. Каждый круг означает обет: питать друг друга, делить радость и горе, быть верными, беречь семью. Говорят, что этот обряд существует уже несколько тысяч лет. Я покажу тебе позже наши свадебные фото, — бабушка на мгновение замолчала и немного взгрустнула, опустив взгляд на свои руки. — Жаль, что моего мужа уже давно нет с нами.

— И никто не плачет? — спросила Сена.

— Плачут все, — сказала Ананья с улыбкой. — Особенно когда невеста уходит из родного дома. Это самый трогательный момент: она бросает за спину горсть риса и больше не оглядывается.

— Вихан и Ридхима хотят, чтобы свадьба была и традиционной, и современной, — вмешалась Киара. — Будут и музыка, и танцы.

Бабушка посмотрела на Сену тёплым, внимательным взглядом.

— Сена, ты не хотела бы пойти?

Сена растерялась.

— А разве мне можно? Ведь я не приглашена.

— У нас говорят: «гость в доме как бог», — ответила бабушка. — Если ты придёшь с нашей семьёй, ты будешь нашей гостьей, а значит, и их. И потом, мне кажется, тебе по-

нравится. Ты так заинтересовалась нашей культурой, а свадьба как раз то место, где можно увидеть всё сразу: цвет, музыку, ритуалы, людей.

Киара на секунду замолчала. Улыбка на её лице застыла и стала чуть шире, чем следовало, но она тут же рассмеялась:

— Конечно, конечно! Это же будет так интересно!

— Я приглашу ювелира, — продолжала бабушка, не замечая или не желая замечать эту заминку. — Он приедет, и мы выберем украшения к нашим сари. Тебе тоже что-нибудь найдём. И я буду очень рада, если ты пойдёшь.

Сена посмотрела на неё, потом на Ананью, которая улыбалась, на Тару, которая смотрела на неё с надеждой, и вдруг почувствовала, как тепло это всё и как непривычно.

— Тогда я с радостью, — сказала она.

Глава 12. Украшения

Субботнее утро началось с тихого стука.

Сена стояла у стены, придерживая стеклянную пластину, и не сразу обернулась. Дверь студии приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель просунулась голова Тары, с растрепавшейся косой и глазами, полными восторга.

— Сена, пожалуйста, иди к нам! Ювелиры приехали. Их трое, и у них столько шкатулок, что на стол не помещается!

— Уже иду, — сказала Сена, вытирая руки о комбинезон. — Дай мне минуту.

В гостиной было светло и шумно, как в лавке из восточной сказки. Два журнальных стола сдвинули вместе и накрыли тёмным бархатом, а на нём, в идеальном порядке, который всё равно не давал глазам отдыха, лежали украшения. Золотые гарнитуры, усыпанные рубинами и изумрудами, колье из бриллиантов, жемчужные нити, диадемы, серьги, браслеты. Седой господин Чопра, в светлой курте и с лупой на цепочке, стоял у края стола, а двое помощников в белых перчатках бережно придерживали раскрытые футляры.

Киара, конечно, была уже здесь. Она сидела в центре дивана с тяжёлым изумрудным ожерельем на шее, смотрелась в ручное зеркальце и звонко, на всю комнату, спрашивала, подходит ли это к её лавандовому сари. Ананья примеряла рубиновые серьги.

Сена опустилась в кресло у края стола. Тара присела рядом на подлокотник.

— Невероятно красивые, правда?

— Невероятно, — согласилась Сена. — Но мне, наверное, и без них можно прийти на свадьбу.

— В нашем доме гость не приходит без украшения, — мягко возразила бабушка, не оборачиваясь.

— Хотя бы серьги! — подхватила Ананья.

— Мне достаточно смотреть, — улыбнулась Сена. — Вы все в них как с картин.

И это была правда. Она сидела, положив подбородок на ладонь, и смотрела, как свет скользит по граням камней, как золото на шее у бабушки отдаёт мягким тёплым светом, как рубин в мочке Ананьи вспыхивает, стоит ей повернуть голову.

Шаги Раджмира она узнала раньше, чем увидела его самого. Он остановился возле её кресла. В светлой футболке и широких серых брюках.

— Я уладил вопрос с байком, — сказал он негромко.

Сена подняла на него глаза.

— В каком смысле «уладили»? Я хотела заняться этим сама. Это моя проблема.

— Проблемы больше нет.

Эта короткая фраза прозвучала настолько обыденно и равнодушно, что именно это почему-то раздражало больше всего. Сена чуть наклонила голову, заставляя себя говорить

тише и подавляя закипающую ярость

— Мне это не нравится. Давайте обсудим это позже.

Он молча кивнул. Но в его взгляде мелькнуло что-то похожее на улыбку, и она отвернулась.

Рука потянулась к украшениям сама собой, почти без её участия. Среди золота, рубинов и бриллиантов её взгляд зацепился за одно колье: тонкое, ажурное, из золота и камней медового цвета, между которыми поблёскивали россыпи мелких бриллиантов. Она осторожно взяла его, поднесла к шее, и господин Чопра тут же подал зеркальце.

— Какая красота! — выдохнула Ананья.

— Как будто сделано для неё, — тихо сказала Сунита.

Тара смотрела молча, приоткрыв рот.

Сена повернулась к зеркалу. Золото легло на кожу мягко, почти невесомо, и камни, поймав свет, вспыхнули тёплыми искрами у самых ключиц.

— Оно очень подходит к цвету ваших глаз, — сказал Раджмир.

Она встретила его взгляд в зеркале и тут же перевела глаза на ювелира.

— Скажите, пожалуйста, сколько оно стоит?

Господин Чопра с достоинством склонил голову.

— Девятьсот пятьдесят тысяч рупий. Золото двадцати двух карат, жёлтые сапфиры, бриллианты, ручная работа.

Сена мысленно перевела сумму, и ей стало не по себе. Почти десять тысяч евро. За ожерелье, которое она, возможно,

наденет на один вечер.

— О нет, — сказала она и потянулась к застёжке. — Я не хотела бы сейчас тратить такую сумму на украшение.

— Хватит этих разговоров, — произнёс Раджмир.

Он не повысил голоса, но в комнате стало тихо.

— Мы покупаем все украшения. Выбирайте, кто что хочет.

Киара восторженно хлопнула в ладоши, ювелиры обменялись взглядами. Бабушка наклонилась к Сене и накрыла её руку своей, лёгкой и тёплой.

— Сена, прими это от нас в знак благодарности. Мы так к тебе привязались и хотим сделать тебе подарок на память.

— Нет, — сказала Сена, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Простите. Я не могу это принять.

Она расстегнула колье, положила его на бархат и поднялась.

— Раджмир, мы можем поговорить?

Киара смотрела на неё со своего дивана таким взглядом, что, будь он материальным, он оставил бы на коже следы. Но Раджмир только кивнул.

Они вышли.

Утреннее солнце отражалось в воде, и бассейн казался слепящим зеркалом.

Сена остановилась у края и скрестила руки на груди.

— Я ценю твоё желание помочь, но я не согласна, чтобы ты или кто-либо другой дарили мне такие дорогие украше-

ния и решали мои вопросы с байком. Я способна всё уладить сама.

Он улыбнулся, шагнув ближе, и в его осанке проступила привычная власть человека, который привык всё решать.

— Сена, я просто живу здесь, — мягко, но веско ответил он. — Для меня это один звонок, а для тебя слишком много лишних забот и времени, которое ты могла бы потратить на работу. Зачем усложнять себе жизнь?

— И тем не менее. Что именно ты сделал?

— Выкупил твой байк. И колье останется у тебя в подарок от нашей семьи. Давай закроем тему.

Его тон не терпел возражений, но Сена даже не шелохнулась. Она посмотрела ему прямо в глаза, спокойно, но очень твёрдо.

— Нет, Раджмир, не закроем. Я хочу оплатить и байк, и колье, и это не обсуждается. Мы просто вычтем эту сумму из моего контракта.

Раджмир замолчал. Его взгляд потемнел от явного недовольства. Несколько секунд он изучал её лицо, пытаясь найти слабину, но Сена стояла на своём. Впрочем, где-то в глубине души он поймал себя на мысли, что уже начинает привыкать к её упрямству. Он коротко вздохнул:

— С тобой действительно бесполезно спорить. Хорошо. Будет, по-твоему.

— Другое дело, — сказала она, улыбаясь.

— Контракт придётся дополнить соглашением о вычете,

— произнёс он, и уголок его рта всё же дрогнул в улыбке.

— Это уже где-то было, — заметила она.

Через несколько дней настал вечер свадьбы.

Главный обряд назначили на поздний час, когда спадёт жара, и приглашены они были только на основное: на священную церемонию у огня и на праздничный вечер после неё. С утра дом гудел, как улей. Из комнат доносились звон браслетов, шелест шёлка, голоса, шаги.

Сена выбрала облегающий бордовый топ, расшитый мелкими пайетками, которые тихо вспыхивали при каждом движении, и длинную юбку из тёмного винного шёлка, мягко ложившуюся почти до щиколоток.

Колено всё ещё напоминало о себе, поэтому каблуки были безрассудством, но она надела босоножки на высоком каблуке, закрепив тонкие ремешки у щиколоток. Волосы она гладко убрала назад, открыв шею и скулы. На шее мягко поблёскивало то самое колье, которое в итоге обошлось ей в вычет из контракта и в тот самый утренний спор. А потом она впервые за много лет подвела глаза карандашом. Губы остались красными, как всегда. Она улыбнулась себе и вышла из комнаты.

Внизу собралась вся семья. Киара с родителями уехала заранее, чтобы помочь подругам невесты. Бабушка и Тара элегантно сочетались в жемчужных украшениях: первая в величественном бело-золотом сари, вторая в мятном лехенге с серебряным шитьём, мягко светившемся на фоне тёмных

волос. Ананья блистала в персиковом шёлке. Мужчины выбрали классику: Арджун предстал в благородном тёмно-синем шервани, а Говинд в светлой рубахе с контрастным тёмным жилетом.

Сена спустилась и остановилась у подножия лестницы.

— Какая ты красивая, — тихо сказала Ананья.

— Просто нет слов, — выдохнула Тара.

Сена улыбнулась и хотела что-то ответить, но услышала шаги наверху.

Раджмир спускался по лестнице неторопливо, как всегда. Но он был другим.

Тёмно-изумрудный костюм с закрытым воротом-стойкой сидел на нём так, будто был сшит из его собственной уверенности. По краю воротника и манжет тянулась тонкая золотая вышивка, чёрные брюки, безупречно блестящие туфли. Волосы он зачесал назад, борода была подстрижена аккуратнее обычного, и серебро в ней казалось нарочно подчёркнутым. Сена никогда не видела его в традиционной индийской одежде, которая шла ему настолько, что у неё перехватило дыхание.

На последней ступени он поднял глаза и увидел её. Остановился.

На секунду, не больше, он забыл о том, что вокруг стоят люди. Его взгляд прошёл от её волос к шее, к колье и обратно к глазам, и в этом взгляде не осталось ничего от привычной сдержанности. Сена почувствовала, что смущается, и разозлилась на себя за это.

— Вы прекрасно выглядите, — сказал он наконец. Голос прозвучал чуть глуше обычного.

— Вы тоже, — ответила она, и это прозвучало совсем не так легко, как ей хотелось.

Ананья быстро отвела глаза. Бабушка улыбнулась в сторону.

Они рассаживались по машинам. Сена оказалась в одной машине с бабушкой и Тарой, а Раджмир, как обычно, сел впереди, рядом с водителем. Дорога была недолгой: за окнами проплывал вечерний город, подсвеченный огнями и гирляндами, а вдали уже слышались барабаны.

Место торжества оказалось старым дворцом на окраине, утопающим в цветах. Бархатцы, жасмин, розы, фонари, гирлянды из золотых огней над аллеей. Воздух пах благовониями, сладостями и тёплым камнем. Музыка разливалась из глубины сада, и со всех сторон тянулись гости в сари, шервани, лехенгах: шёлк, золото, цвет, как расцветший сад.

Машина остановилась у красной дорожки. Водитель открыл дверь, помог выйти бабушке, потом Таре. Сена осторожно поставила ногу на землю и поморщилась: **высокий каблук предательски вильнул,** а колено отозвалось тупой болью.

Рядом возник Раджмир.

Он не сказал ни слова. Просто протянул ей руку, и это было так естественно, словно иначе и быть не могло.

Сена на секунду замешкалась. Потом вложила свою ла-

донь в его. Он держал её уверенно и осторожно, и когда она шагнула вперёд, она почувствовала, как его пальцы чуть сильнее сжали её руку, чтобы она не оступилась.

Она вышла из машины и оказалась так близко, что видела тонкую золотую нить на его воротнике, видела, как дрогнул его взгляд.

Они стояли так, может быть, секунду. Может, две. Вокруг гремели барабаны, смеялись люди, шуршал шёлк, но для них обоих шум вдруг отступил, как отступает вода перед волной. Ни он, ни она не могли бы сказать, почему не разжимают рук.

Глава 13. Свадьба

Сад старого дворца, в котором играли свадьбу Вихана и Ридхимы, показался Сене почти сказочным.

Аллея, залитая золотыми огнями гирлянд, вела в глубину парка, где под вековыми деревьями стояли круглые столы, накрытые белыми скатертями с золотым шитьём. Каждый был украшен венками из бархатцев и жасмина, а в центре горели высокие свечи в стеклянных колпаках. Дальше, за рядами столов, возвышалась огромная сцена с аркой из роз и орхидей, увитой мерцающими нитями, и на ней уже настраивались музыканты. А справа, отдельно, под белым шёлковым балдахином на резных столбах, стоял мандап, и перед ним поднимался прозрачный столб дыма от священного огня.

Сена замерла на дорожке, забыв, что всё ещё держит Раджмира за руку.

Он тоже, кажется, забыл. Но телефон в его кармане коротко завибрировал, и он, будто просыпаясь, осторожно разжал пальцы.

— Киара приехала — сказал он. — Просит встретить её у ворот. Я вернусь через несколько минут.

— Конечно, — ответила Сена.

Церемония началась, когда над садом зажглись первые звёзды.

Гости собрались вокруг мандапа, и в наступившей тиши-

не слышно было только потрескивание огня и негромкий голос жреца. Жених, Вихан, в кремовом шервани с золотой вышивкой и бордовой сафой, стоял у огня выпрямившись, как человек, который боится пошевелиться. Невеста вышла под руку с отцом. Красный лехенга, тяжёлый от золота, длинное покрывало, тонкие браслеты на запястьях, руки в узорах хны до самых локтей. Она шла медленно, опустив глаза, и только у самого мандапа подняла их на жениха. Сена увидела, как у него дрогнули губы.

Жрец читал стихи на санскрите. Огонь вспыхивал, когда в него бросали горсти риса и лепестков, и по лицам людей бежали тёплые отсветы. Отец невесты вложил её руку в ладонь жениха, и его плечи дрогнули. Мать закрыла лицо краем сари. Потом жених и невеста поднялись и сделали первый круг вокруг огня, края их одежд были связаны в узел, и каждый шаг сопровождался словами, которых Сена не понимала, но чувствовала, как чувствуют музыку.

— Они дают друг другу обет, — шепнула бабушка. — Первый: что всегда будут кормить и беречь друг друга.

Второй круг. Третий. Ананья тихонько прикладывала платок к глазам, Тара смотрела не дыша.

Когда обряд закончился, жених нанёс на пробор невесты красную киноварь и надел ей на шею тонкую цепочку с чёрными бусинами. Над садом взлетели лепестки, зазвучали барабаны. Потом начался праздник.

За их столом, ближе к сцене, оказались знакомые Радж-

мира. Он усадил Киару рядом с собой, и она сразу заняла всё внимание, рассказывая что-то о свадебных платьях. А напротив Сены, откинувшись на спинку стула, сидел молодой человек в светло-синем шервани и с лукавой улыбкой. Он смотрел на неё так, как смотрят на редкую вещь в витрине.

— Это Каран, — коротко представил Раджмир. — Мой друг. Сена Дюваль, знаментиая художница из Франции. Она сейчас работает над фреской в нашем доме.

Каран, высокий, подтянутый, с обезоруживающе красивой улыбкой и бьющей через край энергией, тут же оживился, словно только и ждал этого момента.

— Раджмир, — сказал он по-английски, не отводя глаз от Сены, —почему ты скрывал, что в вашем доме живёт такая красавица?

— Не такая уж красавица, по мнению некоторых, — легко сказала Сена и посмотрела на Раджмира.

Он ничего не ответил. Только чуть опустил ресницы.

Киара метнула в её сторону взгляд, острый, как заточенная иголка, но тут же снова улыбнулась.

— А это мои родители, — продолжил Каран, указывая на пожилую пару рядом. — Господин и госпожа Бхатия. А вот господин и госпожа Верма, они приехали из Удайпура.

Бхатии вежливо кивнули. Госпожа Бхатия, в тяжёлом золотом сари, оценивающе посмотрела на Сену, и в её взгляде

было больше любопытства, чем осуждения.

— И чем вы занимаетесь, Сена? — спросила она.

— Я художница. Делаю фрески и объекты из металла и стекла. Сейчас работаю над фреской в доме семьи Капур.

— Вот как, — сказал господин Бхатия и добавил с лёгкой, чуть виноватой улыбкой: — Признаюсь, мы совсем не разбираемся в искусстве. Особенно в современном. Оно такое непонятное, концептуальное.

— Вы правы, порой понять сложно, — сказала Сена. — Но мне кажется, искусство – это всегда визуальный опыт. Картины, фрески, любые работы говорят с вашими глазами и попадают прямо в душу. Искусство не экзамен. Просто смотрите. Если вам стало тепло, тревожно или неожиданно тихо, значит, разговор состоялся, и неважно, на каком языке.

Господин Бхатия задумчиво кивнул.

—Я об этом никогда не думал.

— Пожалуй, мне нужно сходить с вами на выставку, — шутливо добавила госпожа Бхатия.

Разговор потёк дальше. Заговорили о свадьбе Раджмира и Киары: о том, когда назначена дата, где пройдёт церемония, сколько будет гостей. Киара расцвела, как будто ждала этого весь вечер. Она рассказывала о декораторах, о цветах, о платье, шитом в Джайпуре, и о том, что **дом** ей оформят в оттенках лаванды и золота. Госпожа Верма вставляла замечания, Бхатии кивали. Раджмир отвечал коротко и спокойно, и Сена, наблюдая за ним краем глаза, снова подумала,

что он говорит о собственной свадьбе так, будто обсуждает чужой контракт.

— А скажите, Сена, — вдруг подалась вперёд госпожа Верма, — как всё это происходит у вас в Европе?

— Что именно?

— Свадьбы. Какие у вас традиции?

Сена спокойно пожала плечами.

— У нас пары могут жить вместе годами и вообще никогда не пожениться. Это не считается чем-то странным. И все занимаются любовью до свадьбы, это абсолютно нормально.

За столом наступила оглушительная тишина. Господин Верма уткнулся в бокал, госпожа Бхатия поджала губы, а Киара застыла с вилкой в руке. Тара, сидевшая у края стола рядом с Ананьей, опустила глаза в тарелку так низко, что виден был только пробор.

Сена почувствовала неловкость, но отступать не собиралась.

— Я правда не понимаю, почему у вас это табу, — уверенно продолжила она. — Ведь для людей так важно, чтобы была страсть, чтобы они почувствовали друг друга до того, как свяжут свои жизни. Иначе как узнать, подходите ли вы друг другу?

— Сена, — произнёс Раджмир ровно, но так, что за столом все замтихли. — Давайте сменим тему. Тем более я обещал представить вас одному человеку.

Она удивлённо посмотрела на него, потому что ни с кем знакомиться не планировала.

— Вот я как раз его вижу, — сказал он, вставая. — Пойдёмте, я вас представлю.

— Да, хорошо, пойдёмте, — кивнула она.

Поднявшись и чувствуя спиной пять пар тяжелых глаз, Сена пошла за ним между столами. Он остановился у самого края сада, под раскидистым деревом, где музыка звучала приглушённее.

— Пожалуйста, Сена, прекрати такие разговоры, — сказал он тихо. — Мы же обсуждали, что у нас очень разные миры. Не стоит поднимать эти темы, особенно при Таре.

Сена посмотрела на него, на тонкую золотую нить на воротнике его изумрудного костюма, на напряжённую линию челюсти, и вдруг не выдержала, и рассмеялась:

— Господи, здесь ни с кем вообще нельзя об этом поговорить!

— Если тебе очень нужно выговориться на эту тему — поговори со мной, — спокойно ответил Раджмир.

В этот момент им обоим стало так смешно от нелепости ситуации, что они просто не могли сдержаться и засмеялись

в голос. Это, конечно, не осталось незамеченным.

— О чём это они там болтают? — недовольно спросила Киара у бабушки, провожая их взглядом.

Но Раджмир уже подвёл Сену к высокому седому мужчине.

— Позвольте представить: Сена Дюваль, известная художница, о которой я вам рассказывал. Сена, это господин Рао, мой партнёр по проекту в Бангалоре.

Господин Рао вежливо склонил голову, и они обменялись парой дежурных фраз. Когда они наконец пошли обратно к столу, Сена чуть прищурилась, глядя на своего спутника:

— Ты называешь меня известной?

— Потому что ты сама постоянно так о себе говоришь, — улыбнулся Раджмир.

Они снова негромко рассмеялись. Со стороны они казались людьми, которые знали друг друга очень давно.

Вернувшись, они едва успели сесть, когда на сцену вышел ведущий в блестящем пиджаке и с микрофоном в руке.

— Дамы и господа! Друзья и родные! Наши молодожёны хотят немного разогреть этот вечер. Объявляется танцевальное соревнование! Слева друзья и родственники жениха, справа друзья и родственники невесты. Покажите, на что вы способны!

Зал взревел. На площадку перед сценой высыпали молодые люди, и вскоре две группы уже танцевали друг против

друга, под хлопки, барабаны и крики зрителей. Тара хлопала в ладоши с такой радостью, что Сена впервые увидела её без привычной сдержанности.

Победу присудили стороне невесты, и сторона жениха шумно возмутилась. Ведущий смеялся, а Вихан, не выдержав, вскочил со своего места и с улыбкой от уха до уха присоединился к друзьям.

— А теперь, — объявил ведущий, когда шум стих, — конкурс пар! Приглашаем всех желающих. Лучшая пара получит приз от молодеженов!

Заиграла медленная мелодия. Каран встал и протянул Сене руку.

— Позвольте пригласить вас на танец.

— Нет, спасибо. У меня немного болит нога.

— Мы будем очень осторожны, — сказал он с обезоруживающей улыбкой.

Она взглянула на Раджмира. Он смотрел на сцену, и лицо его ничего не выражало. Тогда она поднялась.

Каран продолжал без умолку разговаривать, и Сена невольно расслабилась, улыбаясь. Мимо проплывали другие пары. Рядом, под руку с Раджмиром, танцевала Киара, и со стороны казалось, что это она крепко держит его, а не он её. Сена несколько раз ловила на себе его пристальный взгляд.

— А теперь, дорогие гости, — раздался голос ведущего, — меняемся партнёрами!

На танцполе возникло минутное замешательство. Каран

отпустил её руку с шутливым поклоном. И в следующую секунду Сена оказалась лицом к лицу с Раджмиром.

Она не успела даже подумать, как он положил ладонь ей на талию, осторожно, так, будто боялся сломать что-то хрупкое, и взял её руку в свою. Они танцевали так осторожно, словно ступали по тонкому льду. Это была бережность не только к её колену, но и к тому, что происходило между ними. В их движениях читался явный страх — страх перед силой чувств, которые они больше не могли отрицать, но всё ещё боялись признать. Раджмир смотрел на неё сверху вниз, его потемневший взгляд был прикован к её глазам.

— Как нога? — тихо спросил он.

— Терпимо.

Больше они не говорили. Только смотрели. Сена видела, как свет фонарей скользит по его скулам, как дышит он ровно, но слишком сосредоточенно, и чувствовала, как под ладонью, лежащей на его плече, бьётся его пульс.

Киара, стоявшая теперь в паре с Караном, не отрывала от них глаз. Её лицо словно окаменело, красивое и неподвижное, как у маски.

Музыка стихла, и ведущий объявил победителей: пожилую пару, которая танцевала с изяществом людей, прожившим вместе полвека. Зал аплодировал. Раджмир и Сена одновременно отпустили друг друга и одновременно отвели глаза.

Когда они вернулись за стол, господин Бхатия, всё это время внимательно разглядывавший Сену, вдруг сказал:

— Знаете, мне кажется, ваша фамилия мне знакома. Дюваль. Ваш отец случайно не дирижёр?

— Дирижёр, — удивилась Сена. — Он работает в Париже, руководит симфоническим оркестром.

— О боже! — воскликнул господин Бхатия и хлопнул ладонью по столу. — Я знаю его! Видел и слушал не раз. Я бываю в Париже по делам и каждый раз стараюсь попасть на его концерт. Он невероятно талантлив!

— Как неожиданно и приятно встретить в Индии человека, который знает моего отца, — сказала Сена, улыбаясь.

— Он упоминал в интервью, — продолжил господин Бхатия, — что его дочь подаёт большие надежды. Как скрипачка.

Сена рассмеялась.

— Да. К сожалению, мой отец и правда так считал. И, теперь он мной совсем не гордиться.

За столом повисла тишина. Раджмир смотрел на неё внимательно, понимая, что почти ничего о ней не знает. Он знал, как она пьёт кофе, как улыбается и курит сигареты, но совершенно ничего не знал о её жизни и мире.

— А вы продолжаете играть? — оживилась госпожа Бхатия.

— Нет – тихот ответила Сена

— Но ведь вы могли бы стать выдающей срипачкой раз

так считает отец — добавил господин Бхатия

— Возможно, — чуть помедлив ответила она, — Но стать скрипачкой — это мечта моего отца, а не моя.

— А вы часто видитесь?

— Я бы не хотела об этом говорить, — сказала Сена, и в её голосе появилась та ровная твёрдость, с которой она закрывала любую тему. — Мой отец недавно женился на девушке, которая гораздо младше меня. Он счастлив. Но мы, к сожалению, общаемся не так много.

Никто не решился продолжать. Тара нерешительно подвинула к ней блюдце со сладостями.

Они вернулись домой поздно, но никому не хотелось спать.

В гостиной зажгли торшеры, Лакшми принесла чай, и вся семья собралась на диванах, всё ещё в сари и шервани, с блёстками на щеках и цветами в волосах. Все говорили сразу: о том, как красиво была убрана арка, как плакал отец невесты, как Вихан забыл слова клятвы, как смеялся зал.

— Самая прекрасная свадьба, которую я видела за последние годы, — сказала Ананья, откидываясь на подушки.

— А я видела их несчетное количнство раз, — заметила бабушка. — И всё равно плакала.

Она встала, медленно подошла к шкафу и вернулась с тяжёлыми альбомами в обложках из потемневшей кожи.

— Раз уж у нас такой вечер, — сказала она, — я покажу вам кое-что.

Она села рядом с Сеной, и все придвинулись ближе.

— Это мой муж, Арвинд, — сказала она, открывая первую страницу. На чёрно-белой фотографии стоял худой юноша с тонкими усами и взглядом, в котором угадывалась такая застенчивость, что Сена невольно улыбнулась. — Мне было восемнадцать, ему двадцать. Он приходил к нам в дом с книгами и говорил, что хочет обсудить стихи с моим отцом. Целый год он обсуждал стихи с моим отцом.

— А на самом деле? — спросила Тара, давно знавшая эту историю и всё равно слушавшая с блеском в глазах.

— А на самом деле он каждый раз пытался заговорить со мной, но ронял чашку. — Бабушка засмеялась тихим, помолодевшим смехом. — Разбил, наверное, штук двадцать. Мама потом сказала отцу: либо ты отдаёшь за него дочь, либо мы останемся без посуды.

Все рассмеялись. Сена слушала, не отрываясь. Бабушка листала страницы: свадебные фото, где молодая невеста сидела под тяжёлым покрывалом и украдкой улыбалась, снимки с путешествий, портреты.

Сена подняла глаза и встретилась взглядом с Раджмиром. Он сидел напротив, в кресле, и смотрел на неё. Она отвела глаза, перевернула страницу и почувствовала, как у неё горят щёки. Через минуту взгляды встретились снова.

Ананья переводила глаза с одного на другого и очень внимательно рассматривала свою чашку.

На одном из снимков Сена остановилась. На нём молодая

пара стояла на фоне великолепного здания с куполами и арками, у самой воды, и в линиях этого здания было что-то одновременно величественное и тёплое.

— Какой невероятный дворец, — выдохнула она.

— Это отель «Тадж-Махал Палас» в Мумбаи, — сказала Тара. — Они там были в свадебном путешествии.

— Надо побывать там однажды, — сказала Сена.

— Так ты можешь! — воскликнула Тара, подпрыгнув на подушке. — Дядя Раджмир скоро летит в Мумбаи. Ты можешь слетать с ним!

Сена замерла.

— Что ты, это совсем невозможно. У меня много работы. И потом, это неуместно.

— Сена, — мягко вмешалась бабушка. — Ты и так работаешь почти круглосуточно. Если ты отлучишься на два дня, ничего страшного не случится. Фреска подождёт.

— Но…

— Это просто отличная идея, — вдруг громко сказал Раджмир, и все повернулись к нему

— Киара же тоже летит – добавила Тара

Сена сказала, что подумает.

Ночью она не находила себе места.

Она лежала в темноте, глядя в потолок, и по привычке потянулась к сигаретам, но не стала вставать и не пошла к бассейну. Ей казалось, что там, у воды, может оказаться он,

и она не знала, что тогда делать.

В голове крутилось всё сразу. Его ладонь на её талии. Его взгляд в зеркале. Его голос. «Что со мной», — думала она. Неужели я влюбилась? В человека, который через два месяца женится на другой. В человека, который живёт по другим правилам в другом мире». В человека, который, судя по всему, ей совершенно не подходит. Сена перевернулась на бок, закрыла глаза и очень долго лежала без сна.

Глава 14. Мумбай

Самолёт набрал высоту, и Сена прижалась лбом к иллюминатору.

Внизу, сквозь редкие облака, тянулась коричневато-золотая равнина с нитями дорог и пятнами зелени, и вдалеке уже угадывалась тонкая синяя полоса. Сена смотрела, как земля уходит вниз, и впервые за много недель чувствовала себя совершенно свободной.

— Вы улыбаетесь, — сказал голос напротив.

Она повернула голову. Раджмир сидел в кожаном кресле через проход, с открытым ноутбуком на коленях и расстёгнутым воротом рубашки, и смотрел на неё поверх экрана.

— Я никогда не летала частным самолётом, — призналась она. — Здесь даже кофе подают в фарфоре.

— Я знаю. Кофе здесь появился для вас.

Он улыбнулся и вернулся к экрану. Говинд, сидевший чуть дальше, мирно листал бумаги. Киара дремала с маской на глазах, держа Раджмира за руку.

Сена снова повернулась к окну. И подумала, что, возможно, это самое необычное утро за всё время, проведённое в Индии.

Мумбай встретил их утренним зноем и оглушительным гулом просыпающихся улиц, а отель Taj Mahal Palace возник за окном машины, словно оживший мираж.

Тёмный базальт и красные арки, купола, поднимающиеся над набережной, а совсем рядом, у самой воды, золотистая громада Ворот Индии. Море за ними блестело так, что на него было больно смотреть. Сена вышла из машины и на секунду замерла: ей показалось, что она попала в картинку со старой открытки, которую кто-то оживил.

— Добро пожаловать, — произнёс швейцар в белоснежном мундире и тюрбане.

Внутри пахло сандалом и свежими цветами. Колонны, ковры, хрусталь, мраморный пол, в котором отражались огни. Лифт поднял их на верхний этаж, и когда двери раскрылись, дворецкий в безупречном костюме склонился в поклоне.

— Господин Капур. Ваш люкс готов.

Tata Suite не был номером. Он не имел ничего общего с обычными отельными комнатами: этот президентский люкс больше напоминал уединённую дворцовую резиденцию.

Двойные двери из тёмного дерева вели в огромную гостиную с мраморным полом и коврами ручной работы, в узорах которых можно было потеряться. Хрустальные люстры мягко отбрасывали свет на шёлковые шторы цвета старого золота. Диваны стояли полукругом, у окна светился резной столик с фруктами и свежими цветами. Дальше открывалась столовая на двенадцать персон с мозаичным потолком и старинным сервизом в стеклянных шкафах, а за ней кабинет, в котором, как сообщил дворецкий, имелась отдельная пере-

говорная зона и небольшая терраса с видом на Ворота Индии.

— Господин Капур, ваша спальня, — сказал дворецкий, раскрывая двойные двери. — Просторная комната с кроватью king-size, окнами на гавань и мраморной ванной с отдельным душем. Госпожа Малхотра, ваша спальня смежная, через эту дверь.

Киара вошла, огляделась и издала довольный возглас. Её комната была выдержана в тёплых розовых тонах, с золочёными зеркалами, изящным туалетным столиком и шёлковым балдахином над кроватью.

— А для вас, госпожа Дюваль, мы приготовили примыкающий номер.

Дворецкий проводил Сену в дальнее крыло коридора и распахнул дверь. Комната оказалась маленькой по меркам люкса, но изысканнее любого номера, в котором ей доводилось жить: тёмное дерево, мягкий ковёр, кровать с резным изголовьем, лампа с абажуром цвета янтаря и узкое окно, из которого открывался вид на кусочек моря.

Говинда разместили на нижнем этаже, в просторном Luxury Grande.

Одна из высоких стеклянных дверей гостиной выходила на изящную полукруглую террасу, обнесённую каменной балюстрадой. Оттуда открывался такой вид, что Сена, выйдя наружу, надолго замолчала: прямо под ней лежала набережная, чуть левее поднималась золотистая арка Ворот Индии,

а дальше раскинулась вода, тёмно-синяя, с лёгкой рябью и россыпью белых парусов.

У каждого были свои дела. Киара, с утра необычно воодушевлённая, объявила, что отправляется за покупками на Колаба-Козвей, и уехала с телохранителем. Раджмир, собиравшийся на деловую встречу в Бандра-Курла, наотрез отказывался оставлять Сену одну.

— Мумбай не место для одиночных прогулок, — настойчиво повторил он, кивнув на замершего у дверей охранника. — Возьми сопровождение. Это не обсуждается.

— Совершенно уверена, что справлюсь сама, — упрямо отрезала Сена. — Я буду гулять только поблизости, фотографировать и рисовать.

Раджмир недовольно нахмурился, но, поняв, что спорить бесполезно, уступил.

Когда все уехали, Сена наконец осталась одна.

Она вышла на улицу с блокнотом, карандашами и телефоном, и мир сразу обрушился на неё: гудки такси, запах жареной кукурузы и солёного ветра, продавцы воздушных шаров, торговцы цветами, голуби над площадью, смех туристов. Она пересекла набережную и остановилась у Ворот Индии, где на каменных ступенях сидели десятки людей, и все они кому-то улыбались, что-то ели или фотографировали.

Пройдя чуть дальше вглубь арт-квартала Колаба, Сена заглянула в галерею, расположившуюся в бывшем складе с кирпичными сводами и высокими потолками. Внутри цари-

ли тишина и спасительная прохлада, а в лаконичном пространстве выставлялось современное индийское искусство: масштабные абстрактные холсты, написанные густыми пигментами, и концептуальные инсталляции из текстиля и грубого металла.

В отель она вернулась счастливой, унося это умиротворяющее послевкусие с собой.

Вечером они собрались в Sea Lounge.

Зал показался Сене старой фотографией, которая вдруг обрела цвет: безупречный ар-деко, латунь, тёмное дерево, глубокие кресла и безукоризненные белые скатерти. Огромные арочные окна выходили на залив, и в них, словно в рамах, застыли подсвеченные огнями Ворота Индии. Где-то в углу мягко, почти неслышно переговаривался рояль.

За столом их уже ждали гости: Сидхарт и Нейха Рай, деловые партнёры Раджмира. Сидхарту было за пятьдесят; подтянутый, вежливо-ироничный, с лёгкой сединой, он имел привычку задавать новый вопрос прежде, чем успеваешь ответить на предыдущий. Нейха, заметно моложе мужа, была в тёмно-синем шёлковом платье. Её короткая стрижка и полное отсутствие привычных индийских украшений, если не считать тонкого золотого кольца, говорили о том, что она давно чувствует себя дома в любой точке мира. Оба свободно говорили по-английски, много путешествовали и принадлежали к тому редкому типу людей, рядом с которыми границы между странами просто исчезают.

— Мы только что из Токио, — улыбнулась Нейха, подавая Сене руку. — А до этого провели месяц в Лиссабоне. Мне кажется, я скоро начну путать, в каком часовом поясе просыпаюсь.

Раджмир выбрал столик у самого окна. Киара села рядом с ним, в светлом шёлковом платье и с новой сумкой, к которой она то и дело бережно прикасалась, словно к талисману. Говинд занял место напротив, а Сена оказалась прямо лицом к Раджмиру, так, что видела каждое изменение в его мимике в мягком, приглушённом свете настольной лампы.

— Что будете пить? — бесшумно вырос у стола официант.

— Я бы выпила вина, — негромко произнесла Сена, скользнув взглядом по тёмному стеклу за окном.

Разговор за столом завязывался легко, но Киара почти не принимала в нём участия.

— Мне нехорошо, — объяснила она остальным по-английски, виновато улыбаясь. — Шопинг меня совсем вымотал. Простите, я лучше поднимусь к себе.

— Конечно, — сказал Раджмир и поднялся, чтобы проводить её до номера.

Когда он вернулся, Говинд тоже начал собираться.

— Раджмир, прости, мне нужно просмотреть документы к завтрашней встрече. Если что-то понадобится, я у себя.

Они остались вчетвером. Сидхарт и Нейха сразу стали свободнее, как люди, которые наконец сняли тесные туфли. Нейха откинулась на спинку кресла, подперла подбородок

ладонью, и глаза у неё заблестели.

— Сена, вы ведь парижанка? — она с любопытством подалась вперёд. — Скажите, это правда, что во Франции знают толк в поцелуях как нигде в мире?

— Чистая правда, — с мягкой улыбкой отозвалась Сена.

— Скорее, красивая легенда, — рассмеялась Нейха. — Мы с мужем много путешествуем и наблюдаем за влюблёнными в разных странах. Наш вердикт: у каждого народа свой почерк.

— Это точно, — подхватил Сидхарт. — Японцы, к примеру, делают это так робко, словно совершают кражу. Итальянцы шумно. Англичане, кажется, готовы извиниться за секунду до прикосновения. А у нас в Индии на людях вообще не целуются.

Все дружно рассмеялись. Сена тоже засмеялась, слегка откинув голову, и вдруг почувствовала на себе чужое полыхающее внимание. Раджмир смотрел на неё не отрываясь. В тёплом свете настольной лампы его глаза казались почти чёрными, глубокими и непроницаемыми.

— В нашей культуре, — продолжала Нейха, не замечая этой немой паузы между ними, — желание принято прятать. Но оно от этого не исчезает. Скорее, наоборот.

— Мне кажется, это общее для всех, — задумчиво сказала Сена.

— Правила разные, — произнёс Раджмир ровно, — но все люди целуются одинаково.

Он сказал это спокойно и почти небрежно, и Сидхарт с Нейхой рассмеялись, решив, что это остроумное замечание. А Сена опустила глаза и очень внимательно рассматривала свой бокал.

Они просидели ещё около получаса. Рояль перешёл на более медленную мелодию, Сидхарт рассказывал историю о том, как в Токио принял пожарную сирену за звонок на ужин, но Сена слышала всё как сквозь воду. Наконец она извинилась, сославшись на усталость, и поднялась.

— Доброй ночи, — сказала она всем, и взгляд её на секунду, всего на секунду, задержался на нём.

В люксе было тихо.

Из коридора доносился мягкий гул кондиционера. Сена, не включая лампы, прошла через гостиную к высоким стеклянным дверям и вышла на террасу.

Ночь была тёплой, пахла морем и жасмином. Внизу горела набережная, в воде дрожали отражения огней, и ветер доносил обрывки музыки с какой-то лодки. Она облокотилась на каменную балюстраду и закурила.

Время тянулось медленно. Минут через двадцать она услышала за спиной тихий звук открывшейся двери.

Шаги она не услышала. Только поняла, что он здесь.

— Не спится? — спросил Раджмир.

Голос его прозвучал глухо.

— Нет, — ответила она.

Он подошёл и встал рядом, тоже облокотившись на балю-

страду, но не смотрел на воду. Он смотрел на неё. Они долго молчали, и тишина между ними казалась тугой, как натянутая струна.

— Ты сказал за ужином странную вещь, — сказала она наконец.

— Какую?

— Про поцелуи.

— Это была правда.

— Правда? — Она повернулась к нему. — Ты считаешь, что все люди целуются одинаково?

— Я считаю, — произнёс он тихо, — что есть вещи, которые невозможно объяснить культурными различиями.

Она не успела ответить. Он шагнул ближе, на пол-шага, и пространство между ними вдруг стало совсем небольшим. Она чувствовала тепло его тела, запах его кожи, слышала, как он дышит, неровно, как человек, который долго держал дыхание.

— Раджмир, ты пришёл поговорить о поцелуе или получить его? — прошептала она и потянулась к его губам.

Она прикоснулась к ним едва-едва, но он ответил сразу, без раздумий, с жадностью, крепко обхватив её лицо ладонями и не отпуская.

Из его груди вырвался низкий, почти болезненный звук, как у человека, которого слишком долго держали под водой.

Мир вокруг стал тихим.

Это не было нежным поцелуем. Это было так, словно что-

то, что слишком долго сдерживали, наконец сорвалось с цепи. Он прижал её к себе, и она оказалась спиной к холодному камню балюстрады, а перед ней был только он: его руки, его дыхание и его пьянящий вкус.

Она запустила пальцы ему в волосы, и он выдохнул ей в губы её имя, хрипло, почти с отчаянием, и в этом звуке было всё: и злость на самого себя, и то, что он больше не мог ей противиться.

Его ладонь скользнула по её спине, по тонкой ткани платья, ниже, к талии, к бедру. Ткань поддалась под его пальцами, сбилась, и она почувствовала, как горячая рука скользнула по её коже сквозь шёлк. Бретелька соскользнула с плеча, и он прижался губами к обнажённой ключице, к шее, к тому месту у плеча, где пульс бился так громко, что казалось, его слышно на весь Мумбай. Она выгнулась ему навстречу, не в силах и не желая сопротивляться, и тихо, беспомощно вздохнула, а его руки дрожали, сжимая её так крепко, будто он боялся, что она исчезнет.

— Раджмир… — Она вдруг отстранилась, хватая ртом воздух, и в голосе у неё звенела паника. — Подожди. В соседней комнате твоя невеста. Мы должны остановиться.

— Знаю, — глухо сказал он.

— Нужно остановить это. Сейчас.

— Знаю.

Но он не отпустил её. Несколько секунд они стояли, лоб ко лбу, тяжело дыша, и каждый ждал, что другой найдёт в

себе силы. А потом он снова поцеловал её, на этот раз медленнее, глубже, так, что мир вокруг окончательно потерял очертания, и она поняла, что остановиться уже невозможно. Что ни разум, ни правила не имеют над ней никакой власти. Он приподнял её, и она обхватила его за шею, чувствуя под ладонями, как лихорадочно бьётся его сердце, а где-то внизу шумело море, и над ними горели далёкие огни.

Всё оборвалось внезапно.

Рядом, на тёмных плитах террасы, вдруг пролегла резкая полоса тёплого жёлтого света. В комнате Киары зажглась лампа.

Раджмир замер. Потом медленно, будто с огромным усилием, разжал руки. Сена опустилась на ноги и поправила бретельку дрожащими пальцами. Он отступил на шаг, потом ещё, и она увидела его лицо: зрачки расширены, губы приоткрыты, грудь вздымается так, будто он только что пробежал марафон. А в глазах была ярость. Не на неё. На всё сразу: на себя, на этот вечер, на лампу за стеклом, на мир, в котором он, привыкший отдавать приказы, вдруг не смог приказать самому себе.

Он ударил ладонью по каменной балюстраде, один раз, коротко, и тут же сжал кулак, будто сам испугался этого звука.

— Раджмир…

Он не обернулся. Только выдохнул сквозь зубы что-то короткое на хинди, жёсткое, как проклятие. А затем резко развернулся и ушёл в темноту гостиной. Сена осталась стоять

на террасе одна, слушая, как тяжело и быстро удаляются его шаги.

Свет в соседней комнате погас, и она ещё долго стояла в темноте, прижав ладонь к губам, и чувствовала, как они горят.

Она вернулась в свою комнату и легла на кровать прямо в платье. Уснуть, конечно, не получилось. В ночной тишине, сквозь приоткрытую внутреннюю дверь, доносились тихие звуки шагов. Сена лежала, глядя в потолок, и отчётливо слышала, как за стеной ходит он. А чуть позже сквозь щель долетел его приглушённый, непривычно низкий голос: Раджмир коротко и жёстко отдавал какие-то распоряжения по телефону. Она не решалась выйти.

Через час в дверь постучали.

— Госпожа Дюваль, — сказал за дверью один из охранников. — Прошу прощения. Господин Капур распорядился, чтобы вы собирались. Мы срочно уезжаем. Самолёт будет готов через сорок минут.

Она села на кровати.

— Что случилось?

— Мне не сообщили, госпожа.

Она собралась за десять минут, на ходу запихивая в сумку блокнот, карандаши и платье, которое не успела повесить. Когда она вышла в гостиную, там уже горел яркий свет. Коридорные в безупречной форме бесшумно выкатывали чемоданы из комнат. Говинд с ещё сонным лицом стоял у сто-

ла, на ходу проверяя какие-то бумаги, а Киара тёрла глаза и смотрела на всю эту суету с полным недоумением.

— Раджмир, что происходит? — спросила она. — Среди ночи? Ты же говорил, что у нас ещё целый день впереди.

Раджмир стоял у окна спиной к комнате. Он уже был в пиджаке, застёгнутом на все пуговицы, с телефоном в руке, и голос, которым он говорил, был ровным и холодным.

— Возникли срочные дела в Дели. Мы вылетаем сейчас.

— Но…

— Киара.

Одно слово. Она замолчала.

Он обернулся, и Сена увидела его лицо. Оно было каменным и неподвижным. Он не смотрел на Сену. Ни на секунду. Когда она проходила мимо, он отвёл глаза так резко, будто боялся обжечься.

Говинд что-то тихо спросил, но Раджмир ответил коротко и жёстко. Охранники, стоявшие у дверей, переглянулись.

Дорога в аэропорт прошла в тишине. Сена ехала во второй машине вместе с двумя охранниками, и ей казалось, что город за окном нереален, как сон: пустые ночные улицы, редкие огни, мокрый асфальт, на котором всё ещё держался запах моря.

Самолёт взлетел в предрассветной темноте.

Салон был полутёмным. Киара, обиженная и сонная, заснула сразу, свернувшись в кресле и накрывшись пледом. Говинд делал вид, что читает. Раджмир сидел через проход,

с закрытым ноутбуком на коленях, откинувшись на спинку кресла и глядя перед собой.

Сена сидела у окна, и за стеклом Мумбай медленно уходил вниз россыпью золотых огней.

Ещё прошлым утром она смотрела в это окно счастливой.

Она не знала, в какой момент повернула голову. Может быть, на повороте самолёта, когда тусклый свет качнулся и лёг на его лицо. Но он уже смотрел на неё.

Всего секунду.

Его глаза были тёмными, усталыми и злыми, но в них было и что-то другое, чего он не сумел спрятать: боль, растерянность и нежность, с которой он не знал, что делать. Потом он медленно отвернулся и закрыл глаза.

Они не сказали друг другу ни слова.

Сена закрыла глаза, хотя и не думала засыпать. Она знала только одно. Что бы ни произошло дальше, как бы они ни старались вести себя, как раньше, вернуться назад уже не получится. Тот поцелуй на террасе всё изменил. И они оба это понимали.

Глава 15. Стены

Дом изменился за один день.

Сена поняла это ещё утром после возвращения, когда спустилась к завтраку и увидела пустой стул во главе стола. Раджмир уехал на рассвете. На следующий день тоже. И на третий.

Когда он всё-таки появлялся, дом замирал. Он входил в столовую, коротко кивал, не поднимая глаз, пил кофе стоя и уходил с телефоном у уха. Лакшми получала распоряжения такими короткими фразами, что не успевала даже кивнуть. Один из охранников, замешкавшийся с докладом, услышал в ответ слово, от которого побледнел. Арджун, которого Раджмир всегда щадил, получил вопрос по рабочему отчёту, заданный таким тоном, что тот потом полчаса молча смотрел в окно.

— Что случилось с Раджмиром? — спросила Ананья, поймав Сену в гостиной. Она придерживала рукой живот и смотрела внимательно, тревожно. — Он не такой, как всегда. То есть он и раньше был строгим, но не таким. Вы же были вместе в Мумбае. Там что-то произошло?

Сена повернулась к стене, чтобы не показывать лица, и прижала к бетону стеклянную пластину.

— Встреча, кажется, прошла не так, как он рассчитывал, — сказала она ровно. — Больше я ничего не знаю.

— Он сказал то же самое.

— Значит, так и есть.

Ананья помолчала, глядя на её спину.

— Ты не хочешь рассказать?

— Нечего рассказывать.

— Хорошо, — сказала Ананья, но по её голосу было понятно, что она не поверила.

Бабушка не спрашивала ничего. Она только смотрела на Сену за завтраком долгим, тёплым, понимающим взглядом, и от этого взгляда Сене становилось неуютно. Тара принесла ей кофе в студию и молча поставила чашку на порог, не заходя, и в этом жесте было столько деликатности, что у Сены защипало в глазах.

Киара появлялась в доме всё реже, а Сена перестала спускаться к бассейну.

Она работала. Много, до изнеможения. Руки укладывали пластины стекла и металла так, будто от этого зависело что-то важное. Она стирала, переделывала, снова стирала, и на третий вечер просто села на пол посреди студии и долго смотрела на стену, не двигаясь.

Ей не нравилось всё это. Не нравилось его молчание, его ярость, которую она чувствовала даже сквозь этажи. Не нравилось, что она думает о нём. Не нравилось, что она, взрослая и сильная женщина, прячется от собственной тени.

Раджмир тоже не спал.

Он стоял на балконе третьего этажа и смотрел вниз, на

пустой бассейн и на любимый шезлонг, на котором никто не сидел. Он знал, что она больше не выходит. Знал, и не мог понять, что чувствует по этому поводу: облегчение или боль. Он вернулся домой поздно, как всегда, и первое, что сделал, поднялся сюда, глядя вниз, и снова увидел пустоту.

Он провёл ладонью по лицу. Три дня он не смотрел на неё, не говорил с ней и не мог не думать. Каждый раз, закрывая глаза, он ощущал на губах её вкус. Он ненавидел себя за это.

Стук раздался около полуночи.

Раджмир вздрогнул. Тихий, осторожный, два коротких удара. Он ничего не ждал, и первым его желанием было не отвечать. Но стук повторился.

— Раджмир, — произнёс за дверью голос, который он узнал бы из тысячи. Он был немного хриплым, и в нём слышалось что-то непривычное. — Прости, что поздно. Мне нужно поговорить.

Он замер. Потом медленно подошёл к двери, положил руку на ручку, помедлил ещё секунду и открыл.

Она стояла на пороге в простом тёмном платье и с распущенными волосами. Взгляд поднят прямо, но в этом взгляде, как в натянутой струне, дрожало напряжение.

Они смотрели друг на друга несколько долгих секунд. Потом он отступил в сторону.

— Входи.

Комната оказалась просторной и светлой, как и весь дом. Сена остановилась в дверях, и на мгновение ей показалось,

что она вошла в продолжение его самого. Высокие окна от пола до потолка пропускали ночной свет, в котором мягко отражались светлый дубовый пол и белые стены. Мебель была сдержанной и почти пустой: низкий диван, тёмный письменный стол с тонкой лампой, книги стопками на полу вдоль стены. Приоткрытая дверь вела в спальню, где угадывалась широкая кровать, застеленная серым покрывалом. Ни одной случайной вещи, ни единого украшения. Только на столе лежала раскрытая папка с бумагами, а поверх неё, небрежно, снятый галстук.

Раджмир закрыл дверь и остался стоять у неё, скрестив руки на груди. Он был в той же белой рубашке, расстёгнутой у ворота, с закатанными рукавами, и в этом простом облике казался ещё напряжённее, чем в костюме. Лицо его было неподвижным.

Они молчали.

Тишина тянулась между ними, плотная, горячая, как воздух перед грозой. Сена слышала собственное дыхание и стук сердца, и ей вдруг показалось, что он слышит их тоже. Она хотела отвести взгляд и не смогла. Хотела заговорить и не нашла слов. Он смотрел на неё, не мигая, тёмными глазами, в которых ничего нельзя было прочесть, кроме того, что он тоже держится из последних сил.

— Я пришла сказать, — начала она наконец и остановилась, потому что голос прозвучал слишком тихо. Она сглотнула. — Я понимаю, что ты очень зол из-за произошедшего.

Что нам не следовало так поступать накануне свадьбы.

Он не пошевелился.

— Я не хочу вредить твоим планам, — продолжила она, глядя ему в глаза. — Я скоро уеду. Фреска почти готова, но мне мешает эта недосказанность. И ярость в мою сторону. Я не понимаю, что мне с ней делать.

Раджмир шагнул от двери. Один шаг, медленный, как у хищника, который ещё не решил, нападать или нет.

— Ярость в твою сторону, — повторил он тихо.

— Да.

Он усмехнулся. Не весело, не злобно, а так, как усмехаются, когда что-то режет изнутри.

— Если бы ты не хотела, — произнёс он, — ты бы не стала меня целовать.

Слова упали между ними, как удар. Сена побледнела, но не отвела взгляда. Он сделал ещё шаг, и она почувствовала жар его тела, хотя он стоял в двух метрах.

— Твоё появление в этом доме, — сказал он, и голос его звучал низко и глухо, — нарушило всё. Мой покой. Наш привычный уклад. Мои планы. Теперь моя голова занята только мыслями о тебе. Я просыпаюсь с ними, засыпаю с ними. Я мучаюсь, что веду себя так по отношению к Киаре. У нас свадьба, которую мы так долго ждали. А сколько сил мы потратили всей семьёй, чтобы найти мне невесту.

Сена подалась вперёд, и голос её дрогнул, но не от слабости.

— В смысле «найти»?

Он замолчал.

— Ты её любишь? — спросила она тихо. — Или это просто какое-то обязательство? — Она горько усмехнулась. — Ты сам путаешься в своих мыслях, Раджмир. Ты говоришь «мы так долго ждали», но не говоришь «я».

Он молчал. Стоял посреди комнаты, высокий, жёсткий и она видела как сжимаются и разжимаются его пальцы.

— Да, я поцеловала тебя, — сказала она. — Но я помню, что и в ответ ты целовал меня. Очень жадно. И очень страстно.

— Да! — Он вдруг повысил голос.— Да, всё так. Мне жаль, что так вышло. Просто ты такая…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.